

ГАРРИЕТ

БИЧЕР-СТОУ

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Гарриет Бичер-Стоу
Хижина дяди Тома

«Издательство АСТ»

1852

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Бичер-Стоу Г.

Хижина дяди Тома / Г. Бичер-Стоу — «Издательство АСТ»,
1852 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-126927-2

«Хижина дяди Тома» – главный роман о жестокости и несправедливости американского рабовладения, написанный в XIX веке. Книга, которая произвела не только в США, но и в Европе настоящий эффект разорвавшейся бомбы, до предела обострив аболиционистские настроения, и вызвала на рабовладельческом Юге совершенно звериную ярость. Международный бестселлер номер один позапрошлого столетия, уступивший по продаваемости только Библии, – уже первый тираж в США составил 300000 экземпляров, а в Великобритании перевалил за миллион. Возраст этой книги подбирается уже ко второму столетию, но современный читатель и теперь, как и когда-то, сострадает горестной судьбе доброго и честного чернокожего дяди Тома и с замиранием сердца следит за опасными приключениями красавицы-квартеронки Элизы и ее отважного мужа Джорджа, решившихся, рискуя жизнью, бежать и пуститься через всю страну в далекий путь в Канаду, чтобы спасти от ужасной участи своего маленького сына Гарри... В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-126927-2

© Бичер-Стоу Г., 1852

© Издательство АСТ, 1852

Содержание

Глава I, в которой читатель знакомится с «гуманным» человеком	7
Глава II. Мать	13
Глава III. Муж и отец	15
Глава IV. Вечер в хижине дяди Тома	18
Глава V. Показывает, как одушевленная собственность относится к перемене хозяев	26
Глава VI. Побег обнаружен	31
Глава VII. Борьба матери	37
Глава VIII. Спасена!	45
Глава IX, из которой следует, что сенатор – всего лишь человек	54
Глава X. Товар отправлен	64
Глава XI, в которой у невольника появляются вольные мысли	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Гарриет Бичер-Стоу

Хижина дяди Тома

© Перевод. Н. Волжина, наследники, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава I, в которой читатель знакомится с «гуманным» человеком

Однажды холодным февральским днем два джентльмена сидели за бутылкой вина в богато убранной столовой в городе П. штата Кентукки. Прислуги в комнате не было, и они, близко придвинувшись друг к другу, по-видимому, обсуждали какое-то очень важное дело.

Удобства ради мы назвали их обоих джентльменами. Однако, строго говоря, один из них, если отнестись к нему критически, не совсем подходил под это определение. Он был невысокого роста, плотный, с грубыми чертами лица, и его развязный тон выдавал в нем человека низкого звания, который старается во что бы то ни стало пролезть в высшие круги общества. Одет он был крикливо. Пестрый жилет и лихо завязанный синий шейный платок в веселенькую желтую крапинку как нельзя более соответствовали его общему облику. Пальцы его – толстые, заскорузлые – были унижены перстнями, на массивной золотой цепочке от часов висела целая связка больших разноцветных брелоков, которыми он в пылу беседы самодовольно поигрывал и брэнчал.

Речь этого человека находилась в полном противоречии с «Грамматикой» Маррея и была уснащена такими грубыми словечками, что, несмотря на все наше стремление к точности, мы не будем приводить их здесь.

Его собеседник, мистер Шелби, производил впечатление истинного джентльмена, а убранство и весь тон дома свидетельствовали о том, что хозяева его не только не стесняются в средствах, но живут на широкую ногу. Как мы уже упомянули, мужчины, сидевшие за столом, были заняты серьезным разговором.

– Мне бы хотелось уладить наше дело именно так, – сказал мистер Шелби.

– Нет, я вижу, мы с вами никогда не сторгуемся! Не могу, мистер Шелби, решительно не могу, – сказал его гость, поднимая рюмку с коньяком на свет.

– Позвольте, Гейли! Том стоит таких денег. Это незаурядный негр, надежный, честный, смысленный. Под его присмотром хозяйство у меня идет как часы.

– Честный, да честность-то негритянская! – усмехнулся Гейли, подливая себе коньяку.

– Нет! Честный без всяких оговорок. Том добрый, разумный, набожный негр. Его религиозность неподдельная. Он был принят в лоно церкви четыре года назад, и с тех пор я доверяю ему все: деньги, дом, лошадей. Он у меня повсюду разъезжает один, и мне еще никогда не приходилось сомневаться в его порядочности и преданности.

– Многие толкуют, будто набожных негров вовсе не бывает на свете, а на мой взгляд, это неверно, – доверительным тоном сказал Гейли и широко повел рукой. – В последней партии, которую я отвез в Орлеан нынешний год, был один негр. Вот гимны распевал – просто заслушаешься. Как на молитвенном собрании! И такой покладистый, тихий... И на нем неплохо заработал. Купил его по дешевке у одного человека, которому волей-неволей пришлось спускать все свое добро, и чистой прибыли у меня оказалось шестьсот долларов. Да что и говорить! Набожность, если только это настоящий товар, – вещь ценная в негре.

– Можете быть уверены, что у Тома это настоящий товар, – сказал мистер Шелби. – Да вот, посудите сами. Прошлой осенью я послал его в Цинциннати по одному делу. Он должен был доставить мне оттуда пятьсот долларов. Говорю ему: «Том! Доверяю тебе, как христианину. Я знаю, что ты не обманешь своего хозяина». И он вернулся домой, в чем я ни минуты не сомневался. Нашлись низкие люди, которые подговаривали его: «Том, – бежал бы ты в Канаду!» – «Нет, не могу, – ответил Том, – хозяин мне верит». Я только потом об этом узнал. Откровенно говоря, мне очень жаль расставаться с Томом. Он должен пойти в уплату всего моего долга, и вы так бы и посчитали, Гейли, будь в вас хоть капля совести.

– Совести во мне столько, сколько полагается нашему брату коммерсанту, то есть самая малость – только для божбы, – отшутился Гейли. – А друзьям я всегда готов услужить чем могу. Но вы слишком уж многого от меня захотели... слишком многого! – Он сокрушенно вздохнул и снова подлил себе коньяку.

– Так что же вы предлагаете? – спросил мистер Шелби после неловкого молчания.

– А не найдется ли у вас какого-нибудь мальчишки или девчонки в придачу к Тому?

– Гм!.. Нет, лишних не найдется. И вообще только крайняя необходимость вынуждает меня на такую сделку. Мне очень неприятно продавать своих негров.

В эту минуту дверь открылась, и в столовую вошел очаровательный мальчик-квартирон¹ лет четырех-пяти. Во всем его облике было что-то необычайно милое. Тонкие черные волосы обрамляли шелковистыми локонами круглое, в ямочках лицо; большие, полные огня, темные глаза с любопытством посматривали по сторонам из-под пушистых длинных ресниц. Нарядное, ладно сидевшее на нем платьице из красно-желтой шотландки выгодно подчеркивало его яркую внешность, а забавная уверенность манер, сквозь которую все же пробивалась робость, свидетельствовала о том, что он привык ко всеобщему вниманию и баловству.

– Эй ты, черномазый! – сказал мистер Шелби и, свистнув, бросил мальчику веточку изюма. – Лови!

Мальчуган со всех ног кинулся за подачкой под громкий смех своего хозяина.

– Поди сюда, черномазый, – скомандовал мистер Шелби.

Мальчик подбежал на зов, и хозяин погладил его по кудрявой голове и пощекотал ему подбородок.

– Ну-ка, покажи джентльмену, как ты умеешь петь и плясать.

Мальчик затянул звучным, чистым голосом капризную негритянскую мелодию, сопровождая ее забавными и очень ритмичными движениями рук, ног и всего тела.

– Bravo! – крикнул Гейли, бросая ему дольку апельсина.

– А теперь покажи, как ходит дядюшка Каджо, когда у него разыграется ревматизм, – сказал мистер Шелби.

Гибкое тело мальчика мгновенно преобразилось: он сторбился, скорчил унылую гримасу и, схватив хозяйскую трость, по-стариковски заковылял из угла в угол, то и дело сплевывая направо и налево.

Оба джентльмена громко рассмеялись.

– А теперь, черномазый, представь дедушку Элдера Робинса. Ну, как он поет псалмы?

Пухлая мордочка малыша вытянулась, и он с необычайной серьезностью затянул гнусавым голосом молитвенную мелодию.

– Bravo, bravo! Ну и молодец! – воскликнул Гейли. – Этот мальчишка далеко пойдет! А знаете что, – он вдруг хлопнул мистера Шелби по плечу, – подбросьте его мне в придачу к Тому – и дело с концом! Тогда все будет по справедливости.

При этих словах дверь бесшумно открылась, и в комнату вошла молодая – лет двадцати пяти – квартиронка.

Достаточно было перевести взгляд с этой женщины на мальчика, чтобы признать в ней его мать. Те же большие темные глаза с длинными ресницами, тот же волнистый шелк черных кудрей. Румянец, проступавший на смуглом лице квартиронки, вспыхнул еще ярче, когда она увидела, с каким откровенным восхищением смотрит на нее незнакомец. Платье сидело на ней в обтяжку, выгодно подчеркивая изящество фигуры. Нежные руки и маленькие, узкие ступни тоже не укрылись от наметанного глаза работоторговца, привыкшего сразу разбираться в тех или иных качествах женского товара.

---

¹ Квартирон (от латинского слова «кварта» – четверть) – человек по деду или бабушке негритянского происхождения.

– Ты что, Элиза? – спросил хозяин, когда она остановилась и нерешительно взглянула на него.

– Простите, сэр, я ищу Гарри.

Мальчик подбежал к матери, показывая ей свою добычу, собранную в подол платья.

– Вот он, можешь увести его отсюда, – сказал мистер Шелби.

Она подхватила ребенка на руки и быстро вышла из комнаты.

– Черт возьми! – воскликнул работорговец, поворачиваясь к мистеру Шелби. – Да на такой красавице в Орлеане можно нажить целое состояние! У меня на глазах по тысяче долларов платили за женщин, которые были ничуть не лучше вашей.

– Я не собираюсь наживать состояние на Элизе, – сухо сказал мистер Шелби и, чтобы переменить тему разговора, откупорил новую бутылку вина и спросил собеседника, как оно ему нравится.

– Отменное, сэр! Первый сорт! – ответил работорговец, потом снова фамильярно похлопал мистера Шелби по плечу и добавил: – Ну, сколько вы хотите за эту красотку? Сторгуемся? Какая ваша цена?

– Она не продается, мистер Гейли, – сказал Шелби. – Оцените ее хоть на вес золота, моя жена все равно с ней не расстанется.

– Э-э, женщины всегда так говорят, потому что не знают цены золоту! А покажите им, сколько можно купить на такие деньги часиков, страусовых перьев и всяких там безделушек, и они сразу пойдут на попятный.

– Об этом даже и говорить не стоит, Гейли. Я сказал нет, значит нет, – твердо ответил Шелби.

– Ну, хоть мальчишку-то отдайте, – настаивал работорговец. – Сами видите, я за ценой не стою.

– Да зачем он вам понадобился? – воскликнул Шелби.

– А у меня есть один приятель, который занимается скупкой смазливых мальчишек. Подрастет такой красавчик, он его и продаст на рынке. Это, конечно, предмет роскоши, их больше берут в лакеи. Товар дорогой, только богачам по карману. Зато какое украшение для ваших хором, когда красивый лакей и дверь отворяет, и за столом прислуживает. На них можно хорошо заработать, а этот чертенок к тому же такой шустрый да голосистый – самый что ни на есть лучший товар.

– Мне бы не хотелось его продавать, – задумчиво проговорил мистер Шелби. – Дело в том, сэр, что, будучи человеком гуманным, я не могу отнимать ребенка у матери, сэр.

– Вот оно что! Да, я вас понимаю. С женщинами иной раз лучше не связываться. Пойдут слезы, вопли – неприятно! Очень даже неприятно! Но у меня, сэр, дело поставлено так, что обходится без этого. Отправьте-ка вы ее куда-нибудь на денек, а то и на недельку, и все обойдется тихо, спокойно. Вернется домой, а дело уже сделано. Ваша супруга подарит ей сережки, или новое платье, или еще какую-нибудь мелочь, вот она и утешится.

– Вряд ли.

– Да будет вам! Не равняйте вы негров с белыми. Если правильно братья за дело, с них мигом все скатывает. Некоторые говорят, – доверительно понизив голос, продолжал Гейли, – некоторые говорят, будто на нашей работе черствеешь душой. Что касается меня, так это неправда. Ведь многие что делают? Вырвут ребенка у матери из рук и выставляют его на продажу, а она тут же криком кричит. Я так не могу. Разве это дело? Одна порча товара. После этого некоторые женщины и работать не могут. Помню, была одна в Орлеане – писаная красавица, так ее просто загубили таким обращением. Покупатель брал только одну мать, без ребенка, а она горячая была, настоящий порох. Вцепилась в своего малыша, несет невесть что, бьется. Даже вспомнить страшно! В конце концов мальчишку отняли, а ее посадили под замок. Ну, тут она вовсе рехнулась, а через неделю померла. Тысяча долларов – брошенные деньги, а

почему? Потому что не умеют обращаться с таким товаром. Нет, сэр, добром скорее возьмешь. Это я по собственному опыту знаю. – Работорговец откинулся на спинку стула и с добродетельным видом скрестил руки на груди – ни дать ни взять второй Уилберфорс.

Разговор этот, по-видимому, представлял для Гейли немалый интерес. Не дождавшись ответа от мистера Шелби, который в раздумье чистил апельсин, он заговорил снова, будто не в силах противостоять стремлению к истине, побуждавшему его добавить еще несколько слов:

– Расхваливать самого себя не годится, но что верно, то верно. Недаром про Гейли идет такая слава, будто у него что ни партия, то все негры как на подбор: сытые, гладкие, молодец к молодцу. И мрут меньше, чем у других. Вот что значит умело вести дела, сэр. У меня, сэр, все строится на гуманном обращении!

Мистер Шелби не нашелся, что ответить на это, и ограничился одним:

– Вот как?

– Меня, сэр, поднимали на смех, убеждали всячески. Что поделаешь, такие взгляды вещь редкая, но я, сэр, твердо их придерживаюсь, твердо, и, могу сказать, они еще ни разу меня не подвели. – И работорговец захохотал, весьма довольный собой.

Такое понимание принципов гуманности было настолько своеобразно и неожиданно, что мистер Шелби не мог не рассмеяться за компанию со своим гостем.

Может быть, вы тоже рассмеетесь, дорогой читатель? Но в наши дни, как вам известно, гуманность принимает самые разнообразные и весьма странные формы, а гуманные люди говорят и делают такое, что просто диву даешься.

Смех Шелби еще более подзадорил Гейли, и он продолжал:

– Странное дело! Сколько я ни пытался вдолбить это людям в голову, все попусту. Взять хотя бы моего прежнего компаньона, Тома Локкера из Натчеца. Ведь неглупый был, а с неграми – сущий дьявол! И все из принципа, потому что на самом-то деле Том добрейшей души человек. Но такая у него, видите ли, была система. Я, бывало, говорю ему: «Том! Если твои девочки плачут-разливаются, какой смысл кричать на них и хлестать их бичом? Ничему это не поможет. Пусть, говорю, ревут на здоровье. Природа! Тут уж ничего не поделаешь. Гони природу в дверь, она войдет в окно. Кроме того, побои им только во вред, – чахлые они от этого становятся, унылые какие-то и дурнеют очень, особенно мулатки. Ты бы лучше как-нибудь умаслил их, поговорил с ними поласковой. Подпусти немножко гуманности – жалеть не будешь, помани мое слово. Это куда лучше действует, чем ругань да колотушки, и со временем всегда окупается, верно тебе говорю». Да разве ему вдолбишь! Столько перепортил товара, что пришлось мне с ним расстаться. А жаль, добрейшей души был человек и в делах смыслил.

– Следовательно, вы полагаете, что ваш способ ведения дел имеет некоторые преимущества по сравнению со способом Тома? – спросил мистер Шелби.

– Смею так думать, сэр. Была бы только возможность, а я всегда готов как-нибудь сгладить неприятные стороны нашего ремесла. Например, продажу ребят. Отправляю мать куда-нибудь, чтобы не мешала, – ведь вы сами знаете: с глаз долой, из сердца вон, – а когда дело сделано и назад его не повернешь, она волей-неволей свыкается. Ведь это не белые, которые сизмальства знают, что жена должна жить при муже, а дети – при родителях. Негр на это и не надеется – если, конечно, его правильно воспитать, – значит, он и разлуку переносит легче.

– В таком случае мои, вероятно, воспитаны неправильно, – сказал мистер Шелби.

– Может статься. У вас в Кентукки портят негров. Вы с ними по-доброму, а им эта доброта боком выходит. Сами посудите: какая у негра доля? Мыкаться по белу свету, переходить из рук в руки. А вы носите с ним, всячески его ублажаете. Глядишь, он и размечтался не по чину. Каково ему потом придется? Я даже так скажу: на тех плантациях, где другие негры горланят песни да гогочут, словно одержимые, ваши негры чахнут. Мы все, мистер Шелби, думаем каждый про себя, что поступаем правильно, и, по-моему, я со своими неграми обращаюсь, как они того заслуживают.

– Завидная уверенность! – Мистер Шелби чуть заметно пожал плечами, явно испытывая чувство отвращения от таких разглаговольствований.

– Ну-с, – спросил Гейли после долгой паузы, во время которой они оба щелкали орехи, – как же вы решите?

– Я подумаю и поговорю с женой, – ответил Шелби. – И вот вам мой совет, Гейли: если вы хотите уладить это дело по своему же способу, то есть как можно тише, никому ничего не рассказывайте. Не то слухи разойдутся повсюду, и тогда не оберешься хлопот. Увезти кого-нибудь из моих негров не так просто, как вам кажется.

– Ну, конечно! Молчок, молчок! Но мне все-таки хочется поскорее покончить с этим делом – уж очень я тороплюсь, – сказал Гейли, поднимаясь со стула и надевая пальто.

– Хорошо, зайдите сегодня вечером часов в шесть-семь, и я дам вам окончательный ответ.

Работорговец с поклоном вышел из комнаты.

– С каким удовольствием спустил бы я этого самоуверенного наглеца с лестницы! – пробормотал мистер Шелби, как только Гейли затворил за собой дверь. – Но он знает, что все преимущества на его стороне. Если бы мне кто сказал раньше, что я когда-нибудь продам Тома одному из этих гнусных работорговцев, я бы вспомнил: «Разве раб твой пес, чтобы ты мог сделать такое?» А теперь, видно, ничего другого не придумаешь. И мальчуган Элизы... Превдвину, какой у меня будет из-за него неприятный разговор с женой – из-за него и Тома. Н-да, вот что значит влезть в долги. Этот субъект прекрасно знает, что я у него в руках, и не упустит случая прижать меня.

Самые мягкие формы рабства можно наблюдать, пожалуй, в штате Кентукки. Основное занятие там земледелие, а так как спокойный, размеренный ритм связанных с ним работ не требует лихорадочной спешки, которой часто бывают подвержены Южные штаты, то и труд негра в Кентукки зиждется на более естественной и здоровой основе. С другой стороны, и кентуккийские плантаторы, довольствующиеся постепенностью в делах благоприобретения, не знают соблазна стать на путь жестокостей, – соблазна, от которого трудно удержаться слабостью человеческой натуры, когда возможность быстрого обогащения перевешивает другую чашу весов, где нет ничего, кроме интересов незащитных и бесправных рабов.

Те, кому приходилось посещать кентуккийские поместья и видеть благодушное отношение тамошних хозяев и хозяек к невольникам, а также горячую преданность некоторых невольников своим господам, может статься, поверят поэтической легенде о «патриархальном» укладе жизни в тех местах и тому подобным сказкам. Но на самом деле эти отношения омрачает зловещая тень – тень закона. Покуда в свете закона эти человеческие существа, наделенные сердцем и способностью чувствовать, не перестанут быть вещами, собственностью того или иного владельца, покуда разорение, какое-нибудь несчастье, промах в делах или смерть доброго хозяина будут обрекать их на горе и непосильный труд, до тех пор вы не найдете в рабстве, даже там, где оно обходится без жестокостей, ни одной хорошей, ни одной хоть сколько-нибудь привлекательной черты.

Мистер Шелби принадлежал к тому типу людей, каких немало на белом свете. Он был добродушен, мягок, снисходителен к окружающим, и его негры не могли пожаловаться на тяжелую жизнь. Однако за последнее время Шелби много и довольно безрассудно играл на бирже, наделал больших долгов, и теперь его векселя, выданные на довольно крупные суммы, попали в руки Гейли. Эта небольшая справка должна служить ключом к предыдущему разговору.

Что касается Элизы, то, подойдя к дверям столовой, она уловила несколько слов, из которых ей легко было заключить, что гость – работорговец и хочет купить кого-то у ее хозяина.

Выйдя в коридор, она хотела подслушать их дальнейшую беседу, но ей пришлось поспешить на зов хозяйки. И все же Элиза была почти уверена, что работорговец предложил мистеру

Шелби продать ему ее сына. Неужели это ей только послышалось? Сердце замерло у нее в груди, потом бешено заколотилось, и она так крепко прижала к себе Гарри, что мальчик с удивлением посмотрел ей в лицо.

– Милочка, что с тобой сегодня? – спросила Элизу миссис Шелби, когда та опрокинула умывальный кувшин, уронила рабочую корзинку и, наконец, сама того не замечая, подала хозяйке длинную ночную сорочку вместо шелкового платья, которое ей было приказано достать из гардероба.

Элиза вздрогнула.

– О миссис! – проговорила она, подняв на хозяйку глаза, потом расплакалась и, всхлипывая, упала в кресло.

– Элиза, милая! Что случилось? – воскликнула миссис Шелби.

– О миссис, миссис! К хозяину пришел работороговец, они сидят в столовой и разговаривают. Я сама слышала.

– Вот дурочка! Ну и что же из этого?

– Миссис, неужели хозяин продаст моего Гарри? – И бедняжка откинулась на спинку кресла, не в силах сдержать судорожные рыдания.

– Продаст Гарри? Какие глупости! Будто ты не знаешь, что твой хозяин не ведет никаких дел с южными работороговцами и не продает своих слуг, разве только тех, которые выходят из повиновения. Ах, дурочка. Да кто захочет купить твоего Гарри? Глупенькая! Сама в нем души не чаешь и думаешь, что все от него в таком же восторге. Ну, перестань плакать и застегни мне платье. Вот так! А теперь уложи мне волосы, заплети их в косы, как я тебя учила, и не смей больше подслушивать под дверями.

– Миссис, а вы не дадите своего согласия, если, если...

– Какой вздор! Разумеется, нет! Что это за разговоры! Ведь не стала бы я продавать своих детей! И твоего тоже не продам. Нет, в самом деле, Элиза, ты уж слишком возомнила о Гарри! Стоит только человеку переступить порог, и тебе уж кажется, что он пришел покупать твоего малыша.

Успокоенная заверениями хозяйки, Элиза ловко и проворно одела ее, посмеиваясь над своими недавними страхами.

Миссис Шелби была женщина незаурядная, наделенная большим умом и сердцем, что не редкость в Кентукки. Доброта и великодушие подкреплялись в ней религиозностью и твердостью убеждений, которым она неукоснительно следовала в жизни. Мистер Шелби, человек безразличный к вопросам религии, тем не менее уважал и ценил твердость взглядов жены и, пожалуй, даже немного побаивался ее. Он не мешал ей заботиться о слугах, учить их, наставлять добру, хотя сам не принимал в этом никакого участия. Не будучи горячим сторонником доктрины, согласно которой грехи простых смертных искупаются благими деяниями праведников, он все же, вероятно, таил слабую надежду, что набожности и доброты жены хватит с избытком на них обоих и это обеспечит ему место в Царстве Небесном.

После разговора с работороговцем его больше всего угнетала мысль, как сообщить жене о заключенной сделке и как отразить горячие возражения и настойчивые просьбы, которые он, несомненно, встретит с ее стороны.

Миссис Шелби не подозревала о денежных затруднениях мужа и, полагаясь на мягкость его характера, вполне искренне отмела в сторону подозрения Элизы. Больше того, этот разговор даже не заставил ее призадуматься, и, готовясь к поездке в гости, она ни разу не вспомнила о нем.

Глава II. Мать

Элиза с малых лет воспитывалась у своей хозяйки, которая очень любила и баловала ее.

Путешественники, попадавшие в Южные штаты Америки, вероятно, подмечали своеобразное изящество, мягкость голоса и манер, присущие многим квартиронкам и мулаткам. В квартиронках эти природные качества к тому же часто сочетаются с ослепительной красотой и обаятельностью. Элиза – такая, как она описана здесь, – не плод фантазии автора, а действительно существующая женщина. Мы встречались с ней в Кентукки несколько лет назад и теперь воспроизводим ее по памяти. Подрастая под надежной охраной своей хозяйки, Элиза не знала тех искушений, которые делают красоту столь роковым даром для невольниц.

Когда она стала взрослой девушкой, миссис Шелби выдала ее замуж за наделенного недюжинными способностями молодого мулата, по имени Джордж Гаррис, раба из соседнего поместья.

Хозяин отдал этого молодого человека на фабрику мешков, где природный ум и находчивость помогли Джорджу выдвинуться на первое место среди рабочих. Он изобрел машину для трепания конопли, что, учитывая отсутствие технической выучки у изобретателя, свидетельствовало о его большом таланте и могло поставить его в одном ряду с создателем хлопкоочистительной машины – Уитни².

Своей привлекательной внешностью и обходительностью Джордж завоевал всеобщую любовь на фабрике. Но поскольку перед лицом закона этот одаренный молодой мулат был не человеком, а всего лишь вещью, он находился во власти грубого, ограниченного и деспотичного хозяина. Услышав об изобретении Джорджа, принесшем ему такую славу, сей джентльмен отправился посмотреть на своего умного раба. Владелец фабрики принял его с распростертыми объятиями и поздравил с тем, что ему принадлежит такой ценный невольник.

Мистера Гарриса провели по всей фабрике. Джордж с гордостью показал ему свою машину и держался так свободно и так поразил хозяина своей красотой и мужественностью, что тот не мог не почувствовать собственного ничтожества. Как смеет его раб беспрепятственно всюду разгуливать, изобретать какие-то машины и на правах равного беседовать с господами! Надо положить этому конец. Взять его отсюда немедленно, поставить на полевые работы, и тогда посмотрим, будет ли он по-прежнему задирать нос!

Представьте же себе удивление фабриканта и всех, кто работал с Джорджем, когда хозяин вдруг потребовал причитающееся мулату жалованье и заявил о своем намерении увезти его домой!

– Как же так, мистер Гаррис? – запротестовал фабрикант. – Для нас это полная неожиданность!

– Ну и что ж такого? Ведь он принадлежит мне!

– Мы готовы увеличить ему жалованье, сэр.

– Дело не в этом, сэр. У меня нет никакой необходимости посылать своих людей работать на стороне.

– Но, сэр, он ведь словно создан для этой работы!

– Весьма возможно. А для той, на которую его ставил я, видно, не создан?

– Ведь Джордж изобрел машину! – вмешался в разговор один из мастеров, и весьма некстати.

– Ах, машину! Машину, которая сберегает труд? Кому же еще изобрести такую штуку, как не ему! Уж тут насчет негров можете быть спокойны. Они большие любители сберегать свой труд. Нет, пусть собирается домой.

---

² Такая машина действительно была изобретена одним молодым мулатом в Кентукки. – *Примеч. автора.*

Джордж в оцепенении слушал, как решалась его судьба по воле человека, противиться которому было невозможно. Он стоял, сложив руки на груди, сжав губы, но в душе его бушевал вулкан, огненной лавой разливавшийся по жилам. Он тяжело дышал, глаза его сверкали, словно раскаленные угли. Еще секунда – и последовал бы взрыв негодования, но доброжелательный фабрикант вовремя тронул его за руку и сказал вполголоса:

– Не спорь, Джордж, уезжай, а потом мы тебя как-нибудь выручим.

Это не ускользнуло от внимания деспота; он понял, о чем идет речь, даже не разобрав слов, и решил во что бы то ни стало проявить хозяйскую власть над своей жертвой.

Джорджа увезли домой и определили на самую черную работу. Он молчал, он не проронил ни одного непочтительного слова, но его сверкающие глаза и беспокойно нахмуренный лоб говорили сами за себя и служили неоспоримым доказательством того, что человека нельзя сделать вещью.

Элиза встретила с Джорджем и стала его женой в те счастливые времена, когда он работал на фабрике. Фабрикант благоволил к Джорджу и предоставлял ему полную свободу. Миссис Шелби со свойственной женщинам страстью к сватовству всецело одобряла этот брак, радуясь, что ее хорошенькая любимица нашла себе такую подходящую пару. Их обвенчали в парадной гостиной Шелби. Хозяйка сама убрала пышные волосы невесты флердоранжем, накинула на нее подвенечную фату, и вряд ли подвенечной фате приходилось когда-нибудь украшать более очаровательную головку. На этом торжестве не было недостатка ни в белых перчатках, ни в тортах, ни в вине, ни в гостях, превозносивших и невесту и хозяйку, осыпавшую ее своими милостями.

Первые два года Элиза часто виделась с мужем, и счастье их нарушила только смерть двоих младенцев, которых она горячо любила и оплакивала так горько, что миссис Шелби даже мягко журила ее за это, с чисто материнской заботливостью стараясь обуздать страстную натуру молодой женщины и наставить ее на путь разума и покорности воле божией.

Однако после рождения Гарри Элиза постепенно утешилась и нашла душевный покой. Ее измученное сердце раскрылось навстречу этому крохотному существу, раны зажили, и она снова обрела счастье, длившееся до тех пор, пока ее мужа не увели насильно с фабрики и не вернули на ферму, под власть его законного владельца.

Недели через две после ухода Джорджа фабрикант, верный своему слову, посетил мистера Гарриса в надежде, что тот перестал гневаться, и, не скупясь на доводы, пытался уговорить его отпустить молодого мулата на прежнюю работу.

– Не тратьте лишних слов, – упрямо ответил мистер Гаррис. – Я сам умею вести свои дела, сэр.

– Боже меня упаси в них вмешиваться, сэр! Я только думаю, что в ваших же интересах отпустить к нам Джорджа на тех условиях, которые мы вам предлагаем.

– Я прекрасно вас понимаю! Думаете, никто не заметил, как вы тогда переглядывались и перешептывались? Меня не проведешь, сэр! Мы живем в свободной стране, сэр! Джордж принадлежит мне, и я волен делать с ним что угодно. Вот так-то!

Последняя надежда Джорджа угасла. Впереди его ждала жизнь, полная нудного, непосильного труда, отягченная вдобавок всеми мелкими придирками и унижениями, какие только может измыслить озлобившийся деспот.

Один очень гуманный законовед сказал как-то: «Самое худшее, что можно сделать с человеком, это повесить его». Нет! Это еще не самое худшее – с человеком поступают и хуже!

Глава III. Муж и отец

Миссис Шелби уехала в гости. Стоя на веранде, Элиза унылым взглядом провожала удаляющуюся коляску, как вдруг плеча ее коснулась чья-то рука. Она быстро повернула голову, и ее красивые глаза радостно вспыхнули.

– Ты меня напугал, Джордж! Как я рада тебе! – Миссис уехала до вечера. Пойдем ко мне и поговорим на свободе.

С этими словами Элиза провела Джорджа в соседнюю с верандой маленькую, чисто прибранную комнатку, где она обычно занималась шитьем и всегда могла услышать зов хозяйки.

– Как я рада! Что же ты не улыбнешься? Посмотри на Гарри, – правда, он вырос? (Мальчик стоял рядом, цепляясь за материнскую юбку, и застенчиво поглядывал на отца из-под спутанных кудрей.) И такой стал красавчик! – Элиза откинула сыну волосы со лба и поцеловала его.

– Лучше бы ему не родиться на свет божий! – с горечью воскликнул Джордж. – И ему, и мне!

Удивленная и напуганная такими словами, Элиза опустилась на стул, прижалась головой к мужу и залилась слезами.

– Не надо, Элиза! Прости, что я тебя огорчаю, бедняжка моя! – нежно сказал он. – Прости... Зачем мы с тобой встретились! С другим ты была бы счастлива.

– Джордж, Джордж! Как ты можешь так говорить? Разве что-нибудь случилось? Разве нам что-нибудь грозит? Ведь до сих пор мы были счастливы.

– Да, мы были счастливы, дорогая, – сказал Джордж. Потом, посадив Гарри на колени, он пристально посмотрел в прекрасные темные глаза мальчика и обеими руками провел по его длинным кудрям. – Вылитая мать! А ты, Элиза, красивее и лучше всех женщин на свете. И зачем только мы узнали друг друга!

– Не надо так говорить, Джордж!

– Что нас ждет, Элиза? Несчастье, одно несчастье! Моя жизнь горше полыни. Я гибну. Я жалкий, несчастный раб, который и тебя потянет за собой на дно. Какой смысл стремиться к чему-то, добиваться знаний? Какой смысл жить? Поскорее бы лечь в могилу – и все!

– Это грешно, Джордж! Я знаю, как тебе было тяжело расстаться с фабрикой, и хозяин у тебя жестокий, но потерпи, может быть...

– «Потерпи»? – перебил ее Джордж. – Разве я мало терпел? Разве я сказал хоть слово, когда он ни с того ни с сего взял меня с фабрики, где все были так добры ко мне? Весь мой заработок шел ему, до последнего цента, и никто не скажет, что я плохо работал.

– Да, это ужасно... Но ведь он как-никак твой хозяин.

– Мой хозяин! А кто его поставил надо мной хозяином? Вот что нейдет у меня из ума. Какое он имеет право распоряжаться мною? Я такой же человек, как он. Нет, не такой, а лучше! Я больше его смыслю в делах. Я читаю быстрее, пишу чище. И всем этим я обязан только самому себе, а никак не хозяину. Я научился грамоте против его воли. Какое же он имеет право превращать меня в ломовую лошадь, отнимать у меня возможность заниматься делом, – делом, которое ему не по разуму? Ведь теперешний мой труд под стать только скотине! Он хочет, чтобы я смирился, хочет унижить меня и нарочно посылает на самую тяжелую, самую черную работу.

– Джордж, Джордж! Не пугай меня! Что с тобой? Ты никогда так не говорил! Я боюсь! Ты задумал что-то страшное! Я все понимаю, но сдержи себя, Джордж, ради меня... ради Гарри!

– Я долго сдерживался и долго терпел, но мне тяжелее день ото дня. Сил человеческих нет выносить такую жизнь! Он не упускает случая, чтобы оскорбить меня, поиздеваться надо мной. Мне думалось так: хорошо, буду работать, буду молчать, а свободное время употреблю

на занятия, на чтение книг. Но он видит, что я справляюсь с работой, и подбавляет все больше и больше. «Хоть ты и молчишь, говорит, а в тебе сидит дьявол, и этого дьявола надо вывести на чистую воду». Ну что ж, недалек тот день, когда мой дьявол сорвется с цепи, да только он об этом первый пожалеет!

– О господи! Что же нам делать? – с тоской проговорила Элиза.

– Вот, например, вчера, – продолжал Джордж. – Я грузил камни на телегу, а сын хозяйина, молодой мистер Том, стоит рядом и щелкает плетью. Лошадь шарахается. Я попросил его перестать, вежливо попросил – ничего не помогает. Опять прошу, и вдруг он давай меня хлестать. Я удержал его за руку, а он закричал, начал лягаться и кинулся к отцу с жалобой, будто я его ударил. Тот разъярился: «Сейчас ты узнаешь, кто твой хозяин!» Привязал меня к дереву, наломал прутьев и говорит мистеру Тому: «Бей его, пока не устанешь». А тот рад стараться... Когда-нибудь припомнят они этот день! – Молодой мулат нахмурился и так сверкнул глазами, что его жена испуганно вздрогнула. – Кто поставил надо мной этого человека – вот что я хочу знать!

– А я, – грустно проговорила Элиза, – я всегда думала, что должна во всем повиноваться своим хозяевам, как подобает истинной христианке.

– Ты – другое дело. Они растили тебя, как собственного ребенка, кормили, одевали, баловали, обучили грамоте. Это дает им какие-то права. А ведь я знал одни побои, одни колотушки и брань и радовался, когда обо мне забывали. Разве я в долгу перед своим хозяином? Он получил сполна за мое содержание, получил во сто крат больше, чем следовало. Нет, довольно терпеть! Довольно! – воскликнул Джордж, сжимая кулаки.

Элиза молчала. Таким ей еще никогда не приходилось видеть мужа, и ее понятие долга клонилось, словно тростник, под напором его гнева.

– А твой подарок – бедный маленький Карло! – снова заговорил Джордж. – Эта собачонка была моим единственным утешением. Карло спал со мной, днем не отходил от меня ни на шаг, а глаза какие были умные, словно все понимает. Так вот. На днях я собрал у кухни разных объедков и кормлю его, а хозяин увидел и говорит: «За мой счет кормишь! Если все мои негры заведут себе собак, это мне не по карману будет». Велел привязать ему камень на шею и утопить в пруду.

– Джордж! И ты согласился?

– Согласился? Как бы не так! Впрочем, все обошлось без меня. Они с Томом бросили несчастного Карло в воду и закидали его камнями, а он так жалобно на меня смотрел, будто спрашивал: «Что же ты не спасаешь?..» Опять меня били – за то, что отказался топить. А, пускай быют! Когда-нибудь хозяин поймет, что таких, как я, палкой не смиришь. И пусть остерегается, не то ему плохо придется!

– Что ты задумал, Джордж? Не бери греха на душу! Положись на Господа Бога, и он избавит тебя от мучений.

– Я не такой добрый христианин, как ты, Элиза. Мое сердце полно злобы. Я не могу положиться на Бога, если он допускает такую несправедливость.

– Нельзя терять веру, Джордж! Моя хозяйка говорит – даже в самые тяжелые дни мы должны верить, что Господь делает все нам на благо.

– Хорошо так говорить людям, которые нежатся на мягких диванах и разъезжают в каретах! На моем месте они запели бы другую песенку. Я бы рад быть хорошим, добрым, да не выходит. Сердце во мне горит, не могу смириться. И ты не смиришься, когда я скажу тебе то, что надо сказать. Ты еще всего не знаешь.

– Боже мой! О чем ты?

– А вот о чем. Последнее время хозяин несколько раз принимался говорить, что напрасно он позволил мне жениться на стороне, что мистер Шелби и все его друзья ему ненавистны – они гордецы и не хотят с ним знаться, а я будто бы набрался гордости от тебя. Он грозил, что не

будет больше отпускать меня сюда, а женит на ком-нибудь из наших. Я сначала принимал это за пустые угрозы, но вчера он приказал мне взять в жены Мину и перебраться к ней в хижину, а если я не соглашусь, он продаст меня на Юг.

– Да ведь ты обвенчан со мной, нас венчал священник, как белых! – простодушно сказала Элиза.

– А разве ты не знаешь, что раб не может жениться? В нашей стране закон его не защищает. Если хозяин захочет разлучить нас, мне тебя не удержать. Вот почему я говорю: зачем мы встретились, зачем я родился на свет божий! Нам с тобой и нашему несчастному ребенку было бы лучше вовсе не родиться. Может быть, и его ждет та же участь!

– Ну что ты! Мой хозяин такой добрый!

– Да, но кто знает, как все сложится дальше? Он может умереть, и тогда Гарри продадут. Какая нам радость, что сын у нас такой красивый и умненький? Говорю тебе, Элиза: каждая минута счастья, которую дает тебе ребенок, отольется потом слезами. Нам не сберечь такого сокровища.

Эти слова поразили Элизу в самое сердце. Перед ее мысленным взором встал работорговец. Бледная, еле переводя дыхание, она выглянула на веранду, куда убежал ее сын, наскучив серьезным разговором родителей. Сейчас он с торжествующим видом скакал там верхом на трости мистера Шелби. Элиза чуть было не рассказала мужу о своих опасениях, но вовремя сдержалась.

«Нет! Довольно с него горя, – подумала она. – Я ничего ему не скажу. Да это все пустые страхи. Миссис никогда нас не обманывает».

– Так вот, Элиза, – с горечью проговорил Джордж, – крепись, моя дорогая... и прощай, я ухожу.

– Уходишь, Джордж? Куда?

– В Канаду, – ответил он, расправляя плечи. – И я тебя выкуплю, как только доберусь туда. Это наша единственная надежда. Твой хозяин добрый, он не откажет мне. Я выкуплю и тебя и сына. Клянусь, что выкуплю!

– Боже мой! А если тебя поймают, Джордж!

– Не поймают. Живым я не дамся. Умру или добьюсь свободы!

– Наложить на себя руки?

– Это не понадобится. Они сами меня убьют, потому что продать себя на Юг я не позволю.

– Джордж! Не бери греха на душу, хотя бы ради меня! Не губи ни себя, ни других! Искушение велико, но не поддавайся ему. Если ты решил бежать, беги, только будь осторожен! Моли Господа, чтобы он помог тебе!

– Подожди, Элиза! Послушай, как я решил. Хозяин послал меня с письмом к мистеру Симзу, который живет за милю отсюда. Он, наверно, рассчитывает, что я зайду к тебе, расскажу обо всем, и радуется – ведь ему лишь бы досадить «этим Шелби». Я вернусь домой печальный, смиренный – понимаешь? – будто всему конец. У меня уже почти все готово, есть и люди, которые мне помогут, и через неделю-другую меня хватятся и не найдут. Помолись обо мне, Элиза, может, твои молитвы господь услышит.

– Джордж! Молись сам! Положись на Господа Бога, и он убережет тебя от греха.

– А теперь прощай, – сказал Джордж и, взяв Элизу за руки, долго смотрел ей в глаза.

Они стояли молча. Потом несколько сказанных напоследок слов, горькие слезы, рыдания... Так прощаются люди, когда их надежда на новую встречу тоньше паутины. И вот муж и жена расстались.

Глава IV. Вечер в хижине дяди Тома

Дядя Том жил в маленькой бревенчатой хижине, стоявшей рядом с «господскими хоромами», как обычно называют негры хозяйский дом. Перед хжиной был разбит небольшой садик, где заботливо выращивались клубника, малина и много других ягод и овощей. Большие ярко-оранжевые бегонии и ползучие розы, переплетаясь между собой, почти скрывали от глаз бревенчатый фасад хижины. Однолетние ноготки, петуния и вербена тоже находили себе уголок в этом саду и распускались пышным цветом, к вящему удовольствию и гордости тетушки Хлои.

А теперь, читатель, войдем в самую хижину.

Ужин в господском доме закончен, и тетушка Хлоя, которая в качестве главной поварахи руководила его приготовлением, предоставила уборку и мытье посуды младшим кухонным чинам и удалилась в свои собственные уютные владения «покормить старика». Следовательно, вы можете не сомневаться, что это она стоит у очага, пристально наблюдая за сковородой, на которой что-то шипит, и время от времени с озабоченным видом приподнимая крышку кастрюли, откуда несутся запахи, явно свидетельствующие о наличии там чего-то вкусного. Лицо у тетушки Хлои круглое, черное и так лоснится, будто оно смазано яичным белком, как чайные сухарики ее собственного приготовления. Эта пухлая физиономия, увенчанная свеженакрахмаленным клетчатым тюрбаном, сияет спокойной радостью, не лишенной, если уж говорить начистоту, оттенка некоторого самодовольства, как и подобает женщине, заслужившей славу первой кулинарки во всей округе.

Тетушка Хлоя была поварахой по призванию, по сердечной склонности. Завидев ее, каждая курица, каждая индюшка, каждая утка на птичьем дворе впадала в тоску и готовилась к близкой кончине. А тетушка Хлоя действительно была до такой степени поглощена мыслями о всевозможных начинках, о жаренье и паренье, что появление этой женщины не могло не навести ужаса на любую склонную к размышлениям птицу. Ее изделия из маисовой муки – всякие там оладьи, пышки, лепешки и прочее, всего не перечислишь – представляли собой неразрешимую загадку для менее опытных кулинарок, и у тетушки Хлои только бока ходили от смеха, когда она, полная законной гордости, рассказывала о бесплодных попытках какой-нибудь своей товарки подняться на высоты ее искусства.

Приезд гостей в господский дом, приготовление парадных обедов и ужинов пробуждали все душевные силы тетушки Хлои, и ничто так не радовало ее глаз, как зрелище дорожных сундуков, горой наваленных на веранде, ибо они предвещали ей новые хлопоты и новые победы.

Но сейчас тетушка Хлоя заглядывает в кастрюлю, и за этим занятием мы и оставим ее до тех пор, пока не дорисуем нашей картины.

В одном углу хижины стоит кровать, аккуратно застланная белоснежным покрывалом, перед ней – ковер довольно солидных размеров, свидетельствующий о том, что тетушка Хлоя не последний человек в этом мире. И ковер, и кровать, возле которой он лежит, и весь этот уголок окружены особым уважением и по возможности охраняются от набегов и бесчинств детворы. По сути дела, уголок тетушки Хлои служит ни больше ни меньше как гостиной. У другой стены хижины видна еще одна кровать, не столь пышная и, по-видимому, предназначенная для сна. Стена над очагом украшена многоцветными литографиями на темы из Священного Писания и портретом генерала Вашингтона, исполненным в столь самобытной живописной манере, что сей славный муж был бы немало удивлен, если б ему пришлось увидеть такое свое изображение.

В тот вечер, который мы описываем, на простой деревянной скамье в углу хижины сидели двое курчавых мальчиков с блестящими темными глазами и лоснящимися круглыми рожицами. Они с интересом наблюдали за первыми попытками самостоятельного передвижения

крохотной девочки, которые, как это всегда бывает, состояли в том, что она становилась на ноги, секунду пыталась сохранить равновесие и шлепалась на пол, причем каждое ее падение бурно приветствовалось зрителями, как нечто из ряда вон выходящее.

Перед очагом стоял стол, явно страдавший застарелым ревматизмом, на столе была постлана скатерть, а на ней красовались весьма аляповатые чашки, тарелки и другие принадлежности вечерней трапезы. За этим столом сидел лучший работник мистера Шелби, дядя Том, которого мы должны обрисовать читателю с возможно большей полнотой, поскольку он будет главным героем нашей книги. Дядя Том – человек рослый, могучий, широкий в плечах, с типично африканскими чертами лица, в котором сквозит ум, доброта и благодушие. Во всем его облике ощущается большое чувство собственного достоинства, доверчивость и душевная простота.

Дядя Том сидел, устремив внимательный взгляд на лежащую перед ним грифельную доску, на которой он медленно и терпеливо выводил буквы под наблюдением мистера Джорджа – веселого, живого мальчика тринадцати лет, несомненно отдающего себе полный отчет в солидности своего положения как наставника.

– Не так, дядя Том, не так, – быстро проговорил Джордж, увидев, что дядя Том старательно выводит задом наперед букву «Е». – Это получается цифра «3».

– Ах ты, господи! Да неужто? – сказал дядя Том, почтительно и восхищенно глядя, как молодой учитель проворно пишет одну за другой буквы «Е» и цифры «3» для его вразумления. Потом он взял грифель своими толстыми, грубыми пальцами и все с тем же терпением принялся писать дальше.

– А белые за что ни возьмутся – у них все спорится! – сказала тетушка Хлоя, поднимая вилку с кусочком сала, которым она смазывала сковородку, и с гордостью глядя на молодого хозяина. – Вот уж мастер писать, читать! А как вечер, так к нам – и нас учит. До чего же любопытно, прямо заслушаешься!

– А до чего же я проголодался! – сказал Джордж. – Торт еще не скоро будет готов?

– Скоро, мистер Джордж, скоро, – ответила тетушка Хлоя, приподымая крышку и заглядывая в кастрюлю. – Ишь как подрумянился – чистое золото! Уж за меня можете быть спокойны. Вот недавно миссис велела Салли испечь торт. Пусть, говорит, учится. А я говорю: «Да ну вас, миссис! Смотреть тошно, когда добро зря переводят. Вы полюбуйте, как он у нее поднялся: с одного боку – ни дать ни взять мой башмак. Да ну вас!» – говорю.

Выразив этим последним восклицанием все свое презрение к неопытности Салли, тетушка Хлоя быстро сняла крышку с кастрюли и открыла взорам присутствующих великолепно выпеченный торт, которого не постыдился бы любой городской кондитер. Этот торт, по-видимому, должен был служить главным козырем тетушки Хлои, и теперь она всерьез принялась за приготовления к ужину.

– Моз, Пит! Марш отсюда, черномазые! Полли, душенька моя, подожди немножко, мама свою дочку тоже покормит. Теперь, мистер Джордж, уберите книги, садитесь как следует с моим стариком, а я мигом подам колбасу и наложу вам полные тарелки оладьев.

– Меня ждали домой к ужину, – сказал Джордж, – но я не такой простачок, знаю, где лучше.

– Ну еще бы вам не знать, душенька вы моя! – воскликнула тетушка Хлоя, накладывая ему на тарелку гору оладьев. – Ваша старая тетушка всегда вам припасает самый лакомый кусочек. Да ну вас совсем! Еще бы вам не знать! – И с этими словами окончательно развеселившаяся тетушка Хлоя ткнула Джорджа пальцем в бок, после чего снова подскочила к очагу.

– А теперь примемся за торт, – возвестил Джордж, лишь только сковорода прекратила свою бурную деятельность, и взмахнул большим ножом над этим произведением кулинарного искусства.

– Побойтесь бога, мистер Джордж! – в ужасе воскликнула тетушка Хлоя, хватая его за рукав. – Резать мой торт таким огромным ножом! Да вы его сомнете, всю красоту испортите! У меня для этого есть особый ножик – старый, тоненький. Вот, возьмите. Ну что? Точно в пух вошел! Теперь кушайте на здоровье. Лучше этого торта нигде не сыщете.

– А Том Линкен говорит, – с полным ртом забормотал Джордж, – Том Линкен говорит, что их Джинни стряпает лучше тебя.

– Да разве Линкены чего-нибудь стоят по сравнению с нашими хозяевами! – презрительно ответила тетушка Хлоя. – Люди они почтенные, ничего не скажешь, но что касается всяких там премудростей, так где им! Посадите-ка вы мистера Линкена рядом с мистером Шелби! А миссис Линкен? Разве она может войти в гостиную эдакой павой, как моя хозяйка? Да ну вас совсем! Что вы мне рассказываете об этих Линкенах! – И тетушка Хлоя вскинула голову, твердо уверенная в своем знании света.

– Да ты сама говорила, что Джинни неплохая стряпуха! – не унимался Джордж.

– Правильно, – ответила тетушка Хлоя, – я могла так сказать. Джинни умеет стряпать попросту, без затей. Кукурузные лепешки спечет, хлебы поставит, картошку отварит. Оладьи у нее получаются не бог весть какие, но есть можно. Зато уж если надо приготовить что-нибудь позатейливее... Господи помилуй, да разве ей справиться! Она и пироги печет – что верно, то верно, – а какая у них верхняя корочка? Сумеет она замесить тесто, чтобы оно как пух было, во рту таяло? Когда мисс Мери выдавали замуж, Джинни показала мне, какой она испекла свадебный пирог. Мы с ней подружки, вы сами это знаете, и я, конечно, ни единым словом не обмолвилась, а сама-то думаю – я бы из-за такого пирога семь ночей подряд глаз не сомкнула. Тоже – пирог называется!

– А по-моему, Джинни осталась очень довольна своим пирогом, – сказал Джордж.

– Довольна? Ну еще бы! Потому она мне и похвасталась им, что не знает, какие бывают настоящие-то пироги. А что с Джинни спрашивать? Разве она виновата? В таком уж доме живет. Ах, мистер Джордж, цены вы не знаете своей семье и своему воспитанию! – Тетушка Хлоя вздохнула и с чувством закатила глаза.

– Зато я знаю цену нашим пирогам и пудингам, – сказал Джордж. – Спроси Тома Линкена, как я перед ним задираю нос.

Тетушка Хлоя плюхнулась на стул и залилась веселым смехом, потешаясь над остроумной шуткой своего молодого хозяина. Слезы катились по ее глянцевиным черным щекам, время от времени она переводила дух, хлопала мистера Джорджа по плечу, тыкала его пальцем в бок, говорила: «Да ну вас совсем, да вы меня уморите, как бог свят уморите!», называла его проказником и заливалась смехом все раскатистее и громче, так что Джордж под конец счел свое остроумие крайне опасным и решил впредь шутить с осторожностью.

– Значит, вы ему так напрямик и сказали? Уж эта молодежь, чего она только не придумает! И нос перед ним задираете? Ох, мистер Джордж, вы и мертвого рассмешите!

– Да, да, так напрямик и заявил: «Том, говорю, не мешало бы тебе попробовать пироги нашей тетушки Хлои. Вот объединение-то!»

– А правда, жалко, что он не пробовал, – сказала тетушка Хлоя, чье доброе сердце сразу разжалобила столь горькая участь Тома. – Пригласите его как-нибудь к обеду, мистер Джордж. С вашей стороны это будет очень хорошо. – Потом она добавила прочувствованным тоном: – Знаете, мистер Джордж, как я считаю: хоть вашей семье и цены нет, а все-таки вам нельзя на других сверху вниз смотреть, потому что все блага наши даются нам Господом Богом. Это всегда надо помнить.

– Да я сам хотел позвать Тома как-нибудь на будущей неделе, – сказал Джордж. – А уж ты постарайся, тетушка Хлоя. Пусть удивляется. Мы его так накормим, что он долго не забудет нашего угощения.

– Хорошо, хорошо! – обрадовалась тетушка Хлоя. – Уж я вас не подведу, вот увидите! Каких мы только обедов не давали! Боже ты мой! Помните, я испекла большой-пребольшой пирог с курятиной, когда у нас был генерал Нокс? Мы с миссис в тот день чуть не повздорили. С этими леди иной раз такое творится, что только руками разводишь. Человек занят важным делом, настроился серьезно, волнуется, а они шагу тебе не дают ступить, во все готовы вмешиваться. Вот и моя миссис: то так мне велит, то эдак. Наконец сил моих больше не стало! «Миссис, говорю, поглядите вы на свои белые ручки да на тонкие пальчики все в кольцах. Ни дать ни взять лилии у нас в саду, когда роса выпадет! А у меня вон какие ручищи – словно черные обрубки. Так как же, по-вашему? Кому Господь положил печь пироги, а кому сидеть в гостинной?» Вот я как осмелела, мистер Джордж!

– А что мама сказала?

– Что сказала? Знаете, какие у нее глаза? Большие, красивые. Промелькнул в них смешок, и, слышу, она говорит: «Хорошо, тетушка Хлоя, пусть будет по-твоему», – и ушла к себе в гостиную. Меня бы за такую смелость оттрепать надо, но уж какая я есть, такая и есть – не люблю, когда мне мешают на кухне.

– А тот обед удался на славу, я помню, как его все похваливали, – сказал Джордж.

– Похваливали? А вы думаете, я не стояла за дверью, не видела, как генералу три раза подкладывали пирога на тарелку? А он ест и приговаривает: «У вас просто замечательная повариха, миссис Шелби!» Ох! Как я тогда жива осталась!.. Генерал, он понимает, что такое хороший стол, – горделиво продолжала тетушка Хлоя. – Почтенный человек. Их семья одна из самых знатных в старой Виргинии. Он не хуже меня знает толк в пирогах, а в них, мистер Джордж, не всякий разбирается. Я тогда еще подумала: «Ну, генералу все тонкости известны».

К этому времени Джордж достиг той степени насыщения, когда уже кусок не идет в горло (так бывает даже с мальчиками, но при совершенно исключительных обстоятельствах), и наконец-то соизволил заметить две курчавые головки и две пары горящих глаз, которые с жадностью следили с другого конца комнаты за тем, что делается у стола.

– Моз, Пит, получайте! – крикнул он, бросив им по большому куску торта. – Вам, наверно, тоже хочется? Тетушка Хлоя, накорми их.

Гость и хозяин пересели в уютный уголок поближе к очагу, а тетушка Хлоя, нажарив еще целую гору оладьев, посадила малютку на колени и начала совать кусочки по очереди то ей, то себе, то Мозу и Питу, которые предпочитали поедать свою порцию, катаясь по полу, щекоча друг друга и то и дело хватая сестренку за ноги.

– Да ну вас совсем! – покрикивала на шалунов мать и, когда возня принимала слишком буйный характер, наудачу пинала их ногой под столом. – Белые в гости пришли, а им хоть бы что! Перестать сию же минуту! Сидите смирно, не то спущу я вас на одну пуговицу ниже, дайте только мистеру Джорджу уйти.

Трудно сказать, что означала эта страшная угроза; во всяком случае, ее зловещая неопределенность не произвела никакого впечатления на малолетних грешников.

– Фу ты, господи! – воскликнул дядя Том. – Им бы целый день веселиться, угомона на них нет.

Тут оба мальчугана вылезли из-под стола и, все перемазанные патокой, кинулись целовать сестренку.

– Да ну вас совсем! – крикнула мать, отстраняя рукой их курчавые головы. – Приклеитесь друг к дружке, потом не разлепишь. Марш к колодцу, умойтесь как следует!

И она сопроводила свои слова довольно увесистым шлепком, который исторг лишь новый взрыв смеха у малышей, кубарем выкатившихся за дверь.

– Видали когда-нибудь таких негодников? – благодушно спросила тетушка Хлоя и, взяв старенькое полотенце, плеснула на него воды из треснувшего чайника и стала смывать патоку с лица и рук малютки.

Натерев дочку до блеска, она посадила ее Тому на колени, а сама занялась уборкой посуды. Девочка тут же начала тянуть отца за нос, царапать ему лицо и – что доставляло ей особенное удовольствие – запускать свои пухлые ручонки в его курчавую шевелюру.

– Ишь озорница! – сказал Том, держа дочку на вытянутых руках, потом встал, посадил ее себе на плечо и давай прыгать и приплясывать с нею по комнате.

Мистер Джордж махал платком, Моз и Пит, уже успевшие вернуться, бегали за ними, ревя, как всамделишные медведи, и под конец тетушка Хлоя заявила, что они своей возней «совсем ее без головы оставили». Поскольку эта хирургическая операция производилась здесь ежедневно, заявление тетушки Хлои нисколько не умерило всеобщего веселья, и тишина наступила в хижине лишь тогда, когда все накричались, набегались и натанцевались до полного изнеможения.

– Ну, кажется, утомились, – сказала тетушка Хлоя, выдвигая на середину комнаты низенькую кровать на колесиках. – Моз и ты, Пит, ложитесь спать, ведь скоро молитвенное собрание начнется.

– Ма-ама! Мы не хотим спать! Мы хотим на молитвенное собрание! На них весело бывает. Мы любим смотреть, как вы молитесь.

– Тетушка Хлоя, убери кровать! Пусть останутся, – решительно заявил мистер Джордж, отпихнув ногой это топорное сооружение.

Удовлетворившись тем, что приличия были соблюдены, тетушка Хлоя весьма охотно задвинула кровать в угол и пробормотала:

– Ну что ж, может, им это на пользу пойдет.

Теперь все сообща принялись обсуждать, как бы получше подготовиться к молитвенному собранию.

– Откуда нам стулья взять, просто ума не приложу, – сказала тетушка Хлоя.

Но так как эти еженедельные сборища покои веков происходили у них в хижине при одном и том же количестве стульев, можно было надеяться, что и на сей раз все обойдется как нельзя лучше.

– На прошлой неделе старый дядя Питер пел-пел, разошелся, и двух ножек у стула как не бывало, – сообщил Моз.

– А ну тебя! Ты, наверно, сам их отломал. Мне твои проделки все известны! – прикрикнула на него мать.

– Ничего! Если этот безногий стул приставить к стене, он не упадет, – утешил ее Моз.

– Только дядю Питера на него не сажайте. Он, когда поет, по всей комнате скачет. В тот раз из угла в угол на стуле проехался, – сказал Пит.

– Вот и хорошо! Пусть на него и садится, – обрадовался Моз. – А как заведет: «И праведник и грешник, внемли моим словам!» – так и полетит вверх тормашками. – Моз гнусавым голосом затянул гимн и повалился на пол, изображая грядущую катастрофу.

– Веди себя как следует! – остановила его тетушка Хлоя. – И не стыдно тебе?

Но мистер Джордж расхохотался вслед за озорником и назвал его молодчиной, вследствие чего материнские увещания не достигли своей цели.

– Ну, старик, пора, – сказала тетушка Хлоя, – тащи сюда бочонки.

– У мамы эти бочонки вроде той вдовы, про которую нам читал мистер Джордж, – они тоже устоят перед любым испытанием, – шепнул брату Моз.

– А вот посмотрим – устоят ли! – возразил ему Пит. – Помнишь, на прошлой неделе у одного бочонка днище провалилось во время пения, и все на пол попадали.

Пока Моз и Пит перешептывались между собой, в комнату вкатили два пустых бочонка, подперли их с обеих сторон камнями, а сверху положили доски. К этому устройству добавили несколько колченогих стульев, перевернутые вверх дном ведра, лоханки, и на том подготовка к молитвенному собранию была закончена.

– Я знаю, мистер Джордж не откажет нам сегодня почитать по книжке, – сказала тетушка Хлоя. – Уж больно у него это складно получается. А когда по книжке читают, еще интереснее.

Джордж с готовностью согласился выполнить ее просьбу, ибо ему, как всякому мальчику, было приятно чувствовать значительность своей персоны.

Вскоре в комнате собрались негры всех возрастов, начиная с седовласого старца восьмидесяти лет и кончая пятнадцатилетними юношами и девушками. Начали судачить, впрочем на весьма безобидные темы, например о том, что у тетушки Салли появился откуда-то красный головной платок, что хозяйка собирается отдать Лиззи свое батистовое платье, белое в крапинку, когда сошьет себе новое, и что мистер Шелби думает купить гнедого жеребчика, отчего слава поместья еще приумножится. Кое-кто из богомольцев приходил сюда из соседних поместий, с разрешения своих хозяев. Они тоже сообщали весьма интересные сведения о том, что говорится и делается у них в господском доме и на ферме. И все это выслушивалось здесь с не меньшим интересом, чем выслушиваются подобные же пересуды в высших кругах общества.

Немного погодя, к великому удовольствию всех присутствующих, началось пение хором. Ничто – даже несколько гнусавая манера исполнения – не могло испортить природную свежесть и силу этих голосов, разливавшихся в причудливых и вдохновенных мелодиях. Пелись и всем известные церковные гимны, и духовные песни с более живым, капризным ритмом.

Припев одной из них был спет с особой силой и проникновенностью:

Встречу смерть на поле битвы,
Встречу смерть на поле битвы,
Путь к блаженству обрету.

В другой, видимо, особенно любимой здесь, часто повторялись строки:

Я стремлюсь душой к блаженству
И тебя с собой зову.
Мне кивают головою
Сонмы ангелов в раю.
Видишь город златоверхий?
Там нас всех бессмертье ждет.

«Берега Иордана», «Земля Ханаанская» и «Новый Иерусалим» то и дело упоминались в этих песнях, ибо богатому, пылкому воображению негров особенно милы живописные картины и словесная пышность.

Распевая свои любимые мелодии, они и смеялись, и плакали, и били в ладоши или же горячожимали друг другу руки, словно им и в самом деле удалось достичь «берегов Иордана».

Пение перемежалось проповедями, назидательными рассказами. Одна убежденная сединой старушка, уже давно не работающая, но всеми почитаемая, как живая летопись минувших времен, встала с места, опираясь на свой посох, и повела такую речь:

– Дети мои! Не могу вам сказать, как я рада видеть вас и слышать вас, потому что, кто знает, – когда мне будет суждено приобщиться к вечному блаженству? Но я готова, дети мои, так готова, что будто и узелок у меня связан в дорогу и чепчик сидит на голове, и я только и жду, когда за мной подъедет повозка и увезет меня домой. Иной раз не спишь ночью и все караулишь – не застучат ли ее колеса. И вы тоже будьте готовы, дети мои, – тут она ударила посохом по полу, – ибо нет ничего слаще вечного блаженства. Говорю вам, дети мои, нет его

слаще! Если бы вы только знали, как это хорошо – вечное блаженство! – Не в силах продолжать, старушка опустилась на место вся в слезах, а хор грянул:

О Ханаан! О Ханаан!
Земля обетованная!

По просьбе всех мистер Джордж прочел несколько последних глав из Апокалипсиса, и его то и дело прерывали возгласами: «Боже мой, боже!», «Нет, вы послушайте!», «Подумать только!», «Неужто все так и будет, как тут написано?»

Довольный своим успехом, Джордж, хорошо усвоивший материнские уроки по Закону Божию, время от времени пускался в собственные толкования текста, чем вызывал восторги у молодежи и чувство умиления у стариков. Под конец слушатели пришли к единодушному выводу, что «сам священник не мог бы так хорошо все объяснить» и что это «просто уму непостижимо».

В вопросах религии дядя Том считался во всей здешней округе чуть ли не духовным пастырем. Высокие нравственные устои, более широкий и развитый ум заставляли его собратьев относиться к нему с уважением, точно к священнику, а доходчивость и душевность его проповедей могла бы найти путь даже к сердцу образованных людей. Но особой проникновенности достигал он во время молений. Трудно представить себе что-нибудь более трогательное своим простодушием и детской серьезностью, чем эти молитвы, украшенные текстами из Священного Писания, которые вошли в плоть и кровь Тома и будто сами собой слетали у него с языка.

* * *

По словам одного набожного старого негра, Том «молился без осечки». И молитвы его так действовали на внимавшую ему паству, что иной раз им грозила опасность совсем потонуть в горячих откликах, раздававшихся со всех сторон.

Пока все это происходило в хижине работника, в доме хозяина разыгрывалась совсем другая сцена.

Работорговец и мистер Шелби сидели в той же столовой, за тем же столом, на котором возле чернильницы лежали какие-то бумаги.

Мистер Шелби подсчитывал пачки денег и одну за другой передавал их работорговцу.

– Все правильно, – сказал наконец Гейли, – а теперь проставьте свою подпись вот тут и тут.

Мистер Шелби торопливо взял обе купции, подписал их и отодвинул в сторону вместе с деньгами. Ему, видимо, хотелось поскорее покончить с неприятным делом. Гейли вынул из своего потрепанного саквояжа лист пергаментной бумаги и, просмотрев его, передал мистеру Шелби, который потянулся за ним, стараясь не выдать своего нетерпения.

– Ну, вот и покончили, – сказал работорговец, вставая из-за стола.

– Да, покончили, – в раздумье проговорил мистер Шелби и, глубоко вздохнув, повторил: – Покончили!

– А вы как будто вовсе и не рады? – удивился работорговец.

– Гейли, – сказал мистер Шелби, – я надеюсь, вы будете помнить, что дали мне честное слово не продавать Тома в неизвестные руки.

– Да вы сами только что это сделали, сэр, – сказал работорговец.

– Как вам известно, меня вынудили к этому обстоятельства, – высокомерно ответил Шелби.

– И меня могут вынудить, – сказал работорговец. – Да ладно, уж я постараюсь подыскать вашему Тому местечко получше. А что касается хорошего обращения, так на этот счет можете не беспокоиться. Чего другого, а жестокости во мне, благодарение создателю, и в помине нет.

Памятуя прежние доводы, которые Гейли приводил в доказательство своей гуманности, мистер Шелби не очень-то был обнадежен его заверениями, но так как ни на что другое рассчитывать ему не приходилось, он молча проводил работорговца из комнаты и, оставшись один, закурил сигару.

Глава V. Показывает, как одушевленная собственность относится к перемене хозяев

Мистер и миссис Шелби ушли к себе в спальню. Сидя в большом кресле, мистер Шелби просматривал дневную почту, а его жена стояла перед зеркалом и расчесывала волосы, так искусно уложенные Элизой. Увидев побледневшее лицо и запавшие глаза своей служанки, миссис Шелби отпустила ее в тот вечер раньше обычного и велела ложиться спать. И сейчас, причесываясь на ночь, она вдруг вспомнила их недавний разговор и спросила мужа небрежным тоном:

– Да, кстати, Артур, кто этот неотесанный субъект, которого вы сегодня привели к обеду?

– Его фамилия Гейли, – ответил Шелби и беспокойно задвигался в кресле, не поднимая головы от письма.

– Гейли? А кто он такой и что ему здесь понадобилось?

– Я вел с ним кое-какие дела, когда был последний раз в Натчезе, – сказал мистер Шелби.

– И на этом основании он теперь считает себя своим человеком у нас в доме и напрашивается к обеду?

– Нет, я сам его пригласил. Надо было подписать кое-какие бумаги.

– Он работороговец? – спросила миссис Шелби, подметив смущенный тон мужа.

– Откуда вы это взяли, дорогая? – сказал Шелби и взглянул на нее.

– Да, собственно, ниоткуда. Просто вспомнила, как Элиза прибежала ко мне после обеда, расстроенная, вся в слезах, и уверяла, будто бы она слышала, что работороговец предлагал вам продать ее мальчика. Такая чудачка!

– Она слышала? – повторил мистер Шелби и несколько минут не отрывал глаз от письма, не замечая, что держит его вверх ногами.

«Рано или поздно это выяснится, – думал он, – лучше уж признаться сейчас».

– Я отругала Элизу, – продолжала миссис Шелби, расчесывая волосы, – и сказала, что вы никогда не ведете дел с подобными людьми. Ведь вам и в голову не придет продавать наших негров, особенно в такие руки.

– Да, Эмили, – сказал ее муж, – до сих пор не приходило. Но теперь дела мои складываются так, что ничего другого не придумаешь. Кое-кого придется продать.

– Этому человеку? Немыслимо! Мистер Шелби, да вы шутите!

– К сожалению, нет, – сказал Шелби. – Я решил продать Тома.

– Как! Нашего Тома? Доброго, преданного негра; который служит вам с детских лет! Мистер Шелби! Вы же обещали освободить его, мы с вами столько раз говорили ему об этом! В таком случае меня ничто не удивит, меня не удивит даже, если вы захотите продать Гарри, единственного сына несчастной Элизы. – В словах миссис Шелби слышались и негодование и горечь.

– Хорошо, Эмили, узнайте же все до конца. Я решил продать Тома и Гарри. И не понимаю, почему вы считаете меня каким-то извергом! Другие делают это чуть ли не ежедневно.

– Но почему вам понадобилось продавать именно их? Мало ли у нас других негров, если уж надо кого-то продать?

– Потому что за них дают самую высокую цену – вот почему. Вы правы, можно было бы выбрать кого-нибудь еще. Этот человек предлагал мне большие деньги за Элизу. Вас это устраивает?

– Негодяй! – воскликнула миссис Шелби.

– Я даже не стал его слушать, щадя ваши чувства. Отдайте мне справедливость хотя бы в этом.

– Простите меня, – сказала миссис Шелби, овладев собой. – Я напрасно погорячилась. Но это так неожиданно! Позвольте мне хотя бы замолвить слово за этих несчастных. Том негр, но сколько в нем благородства, сколько преданности! Я уверена, мистер Шелби, что, если бы понадобилось, он отдал бы за вас жизнь.

– Да знаю. Но зачем об этом говорить? Я не могу поступить иначе.

– Давайте пойдем на жертвы. Пусть часть лишений падет и на меня. О мистер Шелби! Я всегда старалась, старалась от всей души, как и подобает христианке, выполнять свой долг по отношению к этим несчастным, бесхитростным существам, которые всецело зависят от нас. Я окружала их заботами, наставляла добру, следила за ними. Вот уже сколько лет они делятся со мной своим горем, своими радостями. Подумайте сами, разве я смогу смотреть в глаза нашим неграм, если ради какой-то ничтожной выгоды мы продадим бедного Тома – прекрасного, безгранично верящего нам человека – и отнимем у него все, что он любит и ценит. Я учила каждого из них быть хорошим семьянином, мужем, отцом, учила детей почитать родителей. Так неужели же теперь мы открыто признаем, что деньги для нас превыше родственных уз, как бы они ни были священы. А Элиза! Сколько я наставляла ее, учила молиться за сына, быть ему хорошей матерью, советовала, как вырастить его истинным христианином. Что же мне сказать ей, если вы отнимете у нее Гарри и продадите его бессмертную душу и тело человеку, лишенному всяких принципов, всякой морали! Я говорила Элизе, что душа наша дороже всех сокровищ. Разве она будет мне верить теперь, убедившись, что мы отказались от собственных слов и продали ее ребенка на верную гибель.

– Мне больно, очень больно огорчать вас, Эмили, – сказал мистер Шелби. – Я уважаю ваши чувства, хотя, не скрою, разделять их с вами полностью не могу. Но – поверьте моему слову – все это бесполезно. Я не в состоянии поступить иначе. Мне не хотелось говорить вам об этом, Эмили, но в двух словах дело обстоит так: продать придется или этих двоих, или решительно все. Другого выхода нет. К Гейли попали мои векселя, и если я не расплачусь с ним, он пустит нас по миру. Я ухищрялся как мог, собрал все деньги, какие у меня были, взял в долг, только что не просил подавания, но для полного расчета надо продать Тома и Гарри. Мальчик приглянулся Гейли, он потребовал, чтобы я продал его и только на этом условии согласился уладить наши дела. Я тут ни в чем не волен. Вы принимаете так близко к сердцу продажу этих двоих, но каково будет, если нам придется расстаться со всем, что у нас есть?

Эти слова потрясли миссис Шелби. Она подошла к туалетному столику, закрыла лицо руками, и из ее груди вырвался стон.

– Проклятие божие лежит на рабстве, – тяжкое, тяжкое проклятие, и оно поражает и рабов и нас, господ. И я, безумная, думала, что мне удастся исправить это страшное зло! Какой грех владеть рабами при наших законах! Я всегда это чувствовала, всегда, еще с детских лет, а когда осознала свой религиозный долг, почувствовала еще острее. Но меня увлекала мысль, что рабовладельчество можно как-то скрасить добротой, мягкостью, вниманием к неграм, что рабство покажется нашим невольникам лучше свободы! Ну не безумие ли это.

– Эмили! Я вижу, вы стали настоящей аболиционисткой!

– Аболиционисткой? Ах, если бы аболиционисты знали о рабстве то, что знаю о нем я, тогда они могли бы об этом говорить с большим основанием. Нет, нам нечему у них учиться. Меня всегда тяготило то, что у нас есть рабы. Я считаю, что этого не должно быть!

– Следовательно, вы расходитесь во мнениях со многими набожными и умными людьми, – сказал ее муж. – Вспомните последнюю воскресную проповедь мистера Б.

– Я не желаю слушать такие проповеди, и мистеру Б. в нашей церкви вовсе не место. Священники, так же как и мы, не в силах бороться со злом, но зачем же они оправдывают его! Это всегда казалось мне противным здравому смыслу. И я почти уверена, что вам тоже не понравилась последняя воскресная проповедь.

– Да, – сказал Шелби, – откровенно говоря, служители божии иной раз заходят гораздо дальше нас, бедных грешников. Мы со многим вынуждены мириться, на многое вынуждены смотреть сквозь пальцы, но когда женщины или священники перестают считаться с моралью и с благопристойностью, это уже никуда не годится. Я надеюсь, моя дорогая, что теперь вы убедились, насколько такой шаг необходим, – убедились, что лучшего выхода из положения найти нельзя.

– Да, да, – проговорила миссис Шелби, рассеянно трогая свои золотые часики. – У меня нет крупных драгоценностей, – в раздумье продолжала она. – Но, может быть, вы возьмете вот эти часы? В свое время они стоили дорого. Я пожертвовала бы всем, что у меня есть, лишь бы спасти ребенка Элизы... хотя бы его одного.

– Мне очень больно, Эмили, что это вас так огорчает, – сказал Шелби, – но теперь уж ничем не поможешь. Дело сделано, купчие крепости подписаны, и Гейли увез их с собой. Благодарите Бога, что всё обошлось сравнительно благополучно. Этот человек мог разорить нас. Если б вы знали Гейли так, как знаю его я, вы бы поняли, что мы были на волосок от гибели.

– Неужели он настолько непреклонен?

– Жестоким Гейли назвать нельзя, но он человек холодный, толстокожий, печется только о своей выгоде, ни перед чем не останавливается и неумолим, как смерть. Если ему посулить хорошие деньги, он продаст родную мать, притом не желая старушке никакого зла.

– И этот негодяй стал хозяином нашего доброго Тома и ребенка Элизы!

– Да, моя дорогая, мне самому трудно примириться с этим. К тому же Гейли торопится и хочет взять их завтра. Я велю оседлать себе лошадь рано утром и уеду, чтобы не встречаться с Томом. А вы тоже уезжайте куда-нибудь и возьмите с собой Элизу. Пусть все это будет сделано без нее.

– Нет, нет! – воскликнула миссис Шелби. – Я не хочу быть пособницей в таком жестоком деле! Я пойду к несчастному Тому – да поможет ему Господь в его горе! Пусть они, по крайней мере, почувствуют, что хозяйка на их стороне. А об Элизе мне даже подумать страшно. Да простит нас Бог! Чем мы навлекли на себя эту беду!

Мистер и миссис Шелби не подозревали, что их разговор могут подслушать.

К супружеской спальне примыкала маленькая темная комнатка, дверь которой выходила в коридор. Когда миссис Шелби отпустила Элизу на ночь, молодая мать, сама не своя от волнения, вспомнила про эту комнатку. Она спряталась там и, прижавшись ухом к щели в двери, не пропустила ни слова из предыдущего разговора.

Но вот голоса хозяев затихли. Элиза крадучись вышла в коридор. Бледная, дрожащая, с окаменевшим лицом и сжатыми губами, она совсем не походила на прежнее кроткое, застенчивое существо.

Осторожно прошла она по коридору, замедлила на минуту шаги у двери в спальню хозяев, воздела руки, обращаясь с немой мольбой к небесам и скользнула к себе. Ее тихая, чистенькая комнатка помещалась на одном этаже с хозяйскими покоями. Здесь, у этого заливающего солнцем окна Элиза часто сидела за шитьем, напевая вполголоса; на этой полочке стояли ее книги и безделушки – рождественские подарки миссис Шелби, в шкафу и комодке хранились ее скромные наряды. Короче говоря, этот уголок Элиза считала своим домом и жила в нем счастливо. И тут же на кровати спал ее ребенок. Его длинные кудри в беспорядке рассыпались по подушке, яркие губы были полуоткрыты, маленькие пухлые ручки лежали поверх одеяла, и улыбка, словно солнечный луч, озаряла сонное детское личико.

– Бедный, мой бедный! – прошептала Элиза. – Продали тебя! Но ты не бойся, мать не даст своего сыночка в обиду!

Ни единой слезы не упало на подушку. В такие минуты сердце скупое на них. Оно исходит кровью и молчит. Элиза взяла клочок бумаги и карандаш и второпях написала следующее:

«О миссис! Дорогая миссис! Не корите меня, не обвиняйте меня в неблагодарности. Я слышала ваш разговор с мистером Шелби. Я попытаюсь спасти своего ребенка. Вы не осудите меня за это! Да вознаградит вас Бог за вашу доброту!»

Сложив листок вдвое и надписав его, она подошла к комоду, собрала в узелок кое-что из детской одежды и накрепко привязала его носовым платком к поясу. И такова сила материнской любви, что даже в этот страшный час Элиза не забыла сунуть в узелок две-три любимых игрушки сына, а пестрого попугая отложила в сторону, чтобы позабавить мальчика, когда он проснется. Ей не сразу удалось его разбудить, но вот он проснулся, сел на кровати и, пока мать надевала капор и шаль, занялся своей игрушкой

– Мама, куда ты идешь? – спросил мальчик, когда Элиза подошла к кровати, держа в руках его пальто и шапочку.

Она нагнулась над ним и так пристально посмотрела ему в глаза, что он сразу насторожился.

– Тс! – шепнула Элиза. – Громко говорить нельзя, не то нас услышат. Злой человек хочет отнять у мамы ее маленького Гарри и унести его темной ночью. Но мама не отдаст своего сыночка. Сейчас она наденет на него пальто и шапочку и убежит с ним, и тот страшный человек их не поймает.

С этими словами она одела его, взяла на руки, снова приказала молчать и, отворив дверь, бесшумно вышла на веранду.

Ночь была холодная, звездная, и мать плотнее закутала ребенка, который, онемев от смутного страха, крепко цеплялся за ее шею.

Большой старый ньюфаундленд Бруно, спавший в дальнем конце веранды, встретил шаги Элизы глухим ворчаньем. Она тихо окликнула его, и пес, ее давнишний баловень и приятель, сейчас же замахал хвостом и отправился за ними следом, хотя ему явно было невдомек, что может означать столь неурочная ночная прогулка. Его, видимо, тревожили неясные сомнения в ее благопристойности, потому что он часто останавливался, бросал тоскливые взгляды то на Элизу, то на дом и, поразмыслив, снова брел дальше. Через несколько минут они подошли к хижине дяди Тома, и Элиза тихонько постучала в окно.

В тот вечер молитвенное собрание затянулось допоздна, когда же все разошлись, дядя Том исполнил несколько гимнов соло и следствием всего этого было то, что сейчас – за полночь – и он и его жена еще не спали.

– Господи помилуй, кто там? – вздрогнув, сказала тетушка Хлоя и быстро откинула занавеску. – Да никак это Лиззи? Одевайся, старик. И Бруно тоже сюда приплелся. Пойду отворю ей.

Тетушка Хлоя распахнула дверь, и свет сальной свечи, которую поспешил зажечь Том, упал на измученное, с дико блуждающими глазами лицо беглянки.

– Храни нас Господь! Лиззи, на тебя смотреть страшно! Что с тобой? Заболела?

– Дядя Том, тетушка Хлоя, я убегаю... Надо спасти Гарри. Хозяин продал его.

– Продал! – в один голос воскликнули те, в ужасе подняв руки.

– Да, продал, – твердо повторила Элиза. – Я спряталась в темной комнате рядом со спальней и слышала, как хозяин сказал миссис Шелби, что он продал моего Гарри и тебя, дядя Том. Завтра утром работороговец возьмет вас обоих, а хозяин уедет из дому на это время.

Слушая Элизу, Том стоял, словно окаменев. Руки у него так и остались воздетыми к небу, глаза были широко открыты. А когда смысл этих слов постепенно дошел до него, он рухнул на стул и уронил голову на колени.

– Боже милостивый, сжался над нами! – воскликнула тетушка Хлоя. – Неужто это правда? Чем же он провинился, что хозяин продал его!

– Он ни в чем не провинился, дело не в этом. Мистеру Шелби не хочется продавать их, а миссис... вы знаете ее доброе сердце. Я слышала, как она заступалась, просила за нас. Но

хозяин сказал, что теперь ничего нельзя поделать. Он задолжал этому человеку, и этот человек держит его в руках. Если не расплатиться с ним, тогда надо будет продавать все имение и всех негров и уезжать отсюда. От этого человека не отделаешься. Я сама слышала, как хозяин говорил, что выбора у него нет – или продать Тома и Гарри, или лишиться всего остального. Ему жалко вас... а миссис! Ведь это ангел во плоти! Если бы вы ее слышали! Нехорошо я с ней поступаю, но иначе я не могу. Она сама сказала, что душа человеческая дороже всех сокровищ, а когда моего мальчика продадут, кто знает, что станет с его душой. Это верно, верно! Но если я заблуждаюсь, да простит меня Господь!

– Старик, – сказала тетушка Хлоя, – а ты что же не уходишь? Хочешь дожидаться, когда тебя увезут вниз по реке, туда, где негров морят голодом и непосильной работой? Да я бы лучше умерла! Время есть – беги вместе с Лиззи. С твоим пропуском тебя никто не остановит. Вставай, я сейчас соберу тебе вещи.

Том медленно поднял голову, обвел печальным, но спокойным взглядом хижину и сказал:

– Нет, я никуда не пойду. Пусть Элиза уходит – это ее право. Кто осудит мать? Но ты слышала, что она сказала? Если меня не продадут, тогда все пойдет прахом... Ну что ж, пусть продают, я стерплю это. – Судорожный вздох вырвался из его могучей груди. – Хозяин всегда мог положиться на меня. Я не обманывал его, я никогда не пользовался своим пропуском без надобности и никогда на это не решусь. Пусть продадут одного меня, чем разорять все имение. Хозяина нечего винить, Хлоя. Он не оставит тебя с несчастными...

Том повернулся к кровати, посмотрел на курчавые головы ребятишек, и силы оставили его. Он поник на спинку стула и закрыл лицо руками. Тяжкие, хриплые рыдания сотрясали его грудь, крупные слезы, стекая по пальцам, капали на пол. Такие же слезы, сэр, лились и из ваших глаз на гроб, где лежал ваш первенец. Такие же слезы проливали и вы, сударыня, слыша плач вашего умирающего ребенка. Ибо Том такой же человек, сэр, как и вы. И мать, одетая в шелка и блистающая драгоценностями, всего лишь женщина, сердце которой сжимается такой же болью, когда жизнь наносит ей удары.

– Еще два слова, – сказала Элиза с порога. – Я виделась с мужем сегодня днем. Тогда еще никто ничего не знал. Моего Джорджа довели до того, что он больше не может терпеть и решил бежать. Постарайтесь увидеть его и скажите ему, почему я ухожу. Скажите, что я попытаюсь найти дорогу в Канаду, и если мы никогда больше не увидимся... – Она отвернулась, пряча лицо, и через минуту проговорила сдавленным голосом: – ...Скажите ему: пусть остается таким же хорошим, каким был... И тогда мы встретимся в царстве небесном. Заприте Бруно, – добавила она, – не то он побежит за мной, бедняга.

Короткое, сдержанное прощание, скупые слезы, последние напутствия... и, прижав к груди своего растерянного, испуганного ребенка, Элиза бесшумно скользнула за дверь.

Глава VI. Побег обнаружен

Накануне вечером, после своего затянувшегося спора, мистер и миссис Шелби заснули не сразу и на следующее утро встали позднее обычного.

– Не понимаю, почему Элиза так задержалась? – сказала миссис Шелби, уже не в первый раз дергая звонок.

Мистер Шелби точил бритву, стоя перед зеркалом.

Вскоре дверь отворилась, и в спальню вошел мальчик негр с водой для бритья.

– Энди, – обратилась к нему миссис Шелби, – постучись к Элизе и скажи ей, что я уже три раза звонила. Бедняжка! – со вздохом добавила она вполголоса.

Через несколько минут Энди вернулся, тараща глаза от изумления.

– Миссис! У Лиззи все ящики открыты, вещи разбросаны по всей комнате. Не иначе, как она удрала.

Мистер и миссис Шелби мгновенно догадались о случившемся. Он воскликнул:

– Значит, Элиза что-то подозревала и решила убежать!

– Дай бог, чтобы это было так!

– Вы говорите вздор, жена! В каком я окажусь положении? Гейли видел, что мне не хочется продавать ребенка, и заподозрит меня в соучастии. Тут задета моя честь! – И он быстро вышел из комнаты.

В течение следующих пятнадцати минут в доме не прекращалась беготня, слышались охи и ахи, хлопали двери, всюду мелькали взволнованные лица. И только один человек, который мог бы рассказать кое-что о случившемся, хранил молчание. Это была главная повариха, тетюшка Хлоя. На ее лице, обычно таком веселом, лежало облако тяжелого раздумья. Она не говорила ни слова и продолжала жарить оладьи к завтраку, будто не видя и не слыша суматохи вокруг.

На балюстраде веранды уже сидели рядом – ни дать ни взять галчата на жердочке – человек десять черномазых бесенят, которым во что бы то ни стало хотелось первыми увидеть, как примет чужой хозяин свалившуюся на него беду.

– Вот разозлится-то! – сказал Энди.

– А ты послушай, как он ругаться будет! – подхватил маленький Джейк.

– У-ух, здорово ругается! – сказала курчавая Менди. – Я вчера слышала, когда они обедали. Я все слышала: забралась в чулан, где миссис держит большие кувшины, и ни словечка не пропустила.

И Менди, которая вдумывалась в чужие слова не больше, чем котенок, напустила на себя необычайно умный вид и горделиво прошла по веранде, совсем забыв упомянуть о том обстоятельстве, что хотя она и была в указанное время в чулане, но почивала там мирным сном, свернувшись клубочком между кувшинами.

Когда наконец Гейли подъехал к дому, в сапогах и при шпорах, дурные вести посыпались на него со всех сторон. Маленькие бесенята, торчавшие на веранде, не обманулись в своих ожиданиях и восторженно выслушали поток брани, которой разразился чужой хозяин. Они с хохотом увертывались от его хлыста и под конец повалились в кучу на увядшем газоне у веранды, крича во все горло и отчаянно дрыгая ногами.

– Только попадитесь мне, дьяволята! – пробормотал Гейли сквозь зубы.

– Пока что не попались! – крикнул Энди, торжествующе взмахнув рукой, и, когда незадачливый работороговец отошел на приличное расстояние, скорчил ему вслед зверскую гримасу.

– Это что же у вас творится, Шелби! – сказал Гейли, без доклада входя в гостиную. – Удрала чертовка вместе с мальчишкой?

– Мистер Гейли, здесь находится миссис Шелби! – ответил тот.

– Прошу прощения, сударыня! – Гейли слегка поклонился, не меня свирепого выражения лица. – Но я еще раз повторяю: странные вести мне приходится слышать, сэр! Неужто это верно?

– Сэр, – сказал мистер Шелби, – если вам угодно побеседовать со мной, будьте любезны соблюдать приличия, как это подобает джентльмену. Энди, прими у мистера Гейли шляпу и хлыст! Садитесь, сэр. Да, сэр, к моему величайшему сожалению, эта молодая женщина, вероятно, подслушала наш разговор или же узнала о нем от кого-нибудь и сегодня ночью скрылась вместе с ребенком.

– Ну, не ждал я от вас такого надувательства! – сказал Гейли.

– Как прикажете понимать ваши слова, сэр? – Мистер Шелби круто повернулся к нему. – Для тех, кто сомневается в моей честности, у меня есть только один ответ.

Работорговец струсил и сказал уже совсем другим тоном:

– Каково же терпеть порядочному человеку, когда его так подводят!

– Мистер Гейли, – продолжал Шелби, – я вполне понимаю вашу досаду и только поэтому и прощаю вам такое бесцеремонное появление в моей гостиной. Тем не менее считаю своим долгом заявить, что я не позволю подозревать себя в столь неблагоприятном поступке и бросать тень на мое честное имя. Более того, я окажу вам всяческую помощь при розыске беглецов. Мои лошади, невольники – все к вашим услугам. Короче говоря, Гейли, – добавил он, сразу вернувшись к своей обычной приветливости, – советую вам не терять хорошего расположения духа и позавтракать вместе с нами, а там мы обсудим, что предпринять дальше.

Миссис Шелби поднялась, сказала, что не сможет быть за завтраком, и, поручив почтенной горничной-мулатке подать джентльменам кофе, вышла из комнаты.

– Ваша хозяйка меня что-то невзлюбила, – сказал Гейли с неуклюжей фамильярностью.

– Я не привык, чтобы о моей жене говорили в таком развязном тоне, – сухо ответил мистер Шелби.

– Прошу прощения. С вами и пошутить нельзя! – И Гейли заключил свои слова деланным смешком.

– Не всякая шутка приятна, – возразил Шелби.

«Ишь как осмелел с тех пор, как рассчитался со мной! – мысленно проговорил Гейли. – Не узнать со вчерашнего дня!»

Весть о судьбе Тома вызвала такую тревогу среди его собратьев, какой не вызвало бы в придворных кругах падение премьер-министра. Ни в доме, ни на полях ни о чем другом не говорили. Побег Элизы – случай небывалый в поместье – тоже немало способствовал всеобщему волнению.

Черный Сэм, заслуживший такое прозвище потому, что он был намного темнее всех здешних негров, весьма глубокомысленно обсуждал эти события главным образом с точки зрения собственного благополучия, а его прозорливость в подобных делах могла бы оказать честь любому белому политикану в Вашингтоне.

– Не было бы счастья, да несчастье помогло, вот оно как случается, – провозгласил Сэм, поддернул штаны и, приладив к подтяжкам длинный гвоздь вместо оборванной пуговицы, остался весьма доволен собственной изобретательностью. – Да, не было бы счастья, да несчастье помогло, – повторил он. – Вот теперь Тому по шапке – значит, вместо него поставят другого негра. А почему, скажем, не меня? Том везде разъезжал. Башмаки начищены, пропуск в кармане – сам черт ему не брат. А почему теперь Сэму не покрасоваться на его месте? Вот я что хочу знать.

– Эй, Сэм! Сэм! Хозяин велит седлать Билла и Джерри! – прервал его рассуждения Энди.

– Что там еще стряслось?

– А ты разве не знаешь, что Лиззи убежала со своим малышом?

– Другим рассказывай! – с бесконечным презрением ответил Сэм. – Я раньше тебя узнал. За кого ты меня принимаешь, за несмышлениша?

– Ладно, ладно! Ты слушай, что хозяин велел. Седлай лошадей, и мы с тобой поедem вместе с мистером Гейли ловить Лиззи.

– Вот это я понимаю! Теперь Сэм понадобился. Сэм будет самым главным негром. Уж я ее поймаю, будьте покойны. Хозяин увидит, какой Сэм молодец!

– Подожди, Сэм! – осадил его Энди. – Ты сначала подумай хорошенько. Ведь миссис-то не хочет, чтобы Лиззи поймали. Она тебе задаст.

– Э-э! – протянул Сэм, выпучив глаза. – Откуда ты это взял?

– Сам слышал, что миссис говорила сегодня утром, когда я подавал хозяину воду для бритья. Она послала меня посмотреть, почему Лиззи не идет на звонок, а я прибежал обратно и докладываю: «Нет ее, удрала!» Она как услышала, так и вскрикнула: «Дай-то ей бог!» А хозяин ух как рассердился и стал ее отчитывать: «Миссис Шелби, вы говорите вздор!» Да он перед ней не устоит! Я-то знаю, как дальше будет. Ее сторону всегда лучше держать.

Черный Сэм почесал свою кудлатую голову, которая хоть и не была богата умом, зато обладала неким качеством, необходимым для политиканов всех мастей и обличий и называемым попросту умением определять «куда ветер дует». Потом он помолчал минутку, снова подтянул штаны, что, по-видимому, помогало ему думать, и наконец сказал:

– Вот уж правда, в этом мире не знаешь, где найдешь, где потеряешь!

Судя по ударению, которое Сэм сделал на слове «этом», можно было подумать, что он пришел к такому философскому выводу на основании близкого знакомства с другими мирами.

– А я-то решил, что миссис весь свет готова обыскать, лишь бы найти Лиззи!

– И правильно, – сказал Энди. – А все-таки ты, негр, дальше своего носа ничего не видишь. Миссис не хочет, чтобы мальчишка Лиззи попал в руки мистеру Гейли. Вот в чем дело-то!

– Э-э! – снова протянул Сэм с той неподражаемой интонацией, которая свойственна только неграм.

– Я тебе больше скажу, – продолжал Энди. – Ты поторапливайся с лошадьми, миссис про тебя уже спрашивала. Довольно ласы точить!

Услышав это, Сэм засуетился и вскоре лихо подлетел к дому. Он круто завернул лошадей к коновязи и на полном скаку спрыгнул с седла. Игривый жеребчик мистера Гейли вздрогнул и заплясал на месте, натягивая поводья.

– Хо-хо! – крикнул Сэм. – Не бойсь! – Его черная физиономия так и сияла лукавством. – Сейчас я тобой займусь.

Рядом с коновязью рос огромный бук, и земля под ним была усеяна колючими трехгранниками буковых орешков. Сэм поднял один такой орешек, подошел к жеребчику и стал оглаживать его, будто стараясь успокоить. Потом, поправив для виду седло, он незаметно сунул под него трехгранную колючку с таким расчетом, что как только пугливый жеребчик почувствует тяжесть всадника, это колючка сразу же даст о себе знать, не причинив жеребчику особого вреда.

– Вот! – сказал Сэм, весьма довольный собой, и закатил глаза. – Готово дело!

В эту минуту на балконе появилась миссис Шелби. Сэм побежал на ее зов с подобострастным видом, словно проситель, добивающийся назначения на вакантное место при Сент-Джеймском дворце или в Вашингтоне.

– Где ты пропадаешь, Сэм? Я уж Энди за тобой посылала.

– Господи помилуй! Разве лошадей ловить – легкое дело? Они, господа, твоя воля, вон куда ускакали – на дальнюю лужайку!

– Сэм! Сколько раз тебе повторять – не упоминай Господа Бога всуе. Это нехорошо!

– Ах ты боже мой! Забыл, миссис, забыл! Больше не буду так говорить.

– Да ведь ты опять так сказал!
– Неужто! Господи, вот... Да нет, я совсем не то хотел...
– Следи за собой повнимательнее, Сэм.
– Буду следить, буду! Дайте мне только дух перевести, а уж потом я послежу!
– Так вот, Сэм, собирайся, поедешь с мистером Гейли. Помоги ему, покажи дорогу, только смотри, Сэм, береги лошадей. На прошлой неделе Джерри немного прихрамывал, так ты их не очень гони.

Последние слова миссис Шелби проговорила вполголоса, но очень внушительным тоном.

– Я, миссис, понятливый, – сказал Сэм, многозначительно вращая глазами. – Богом клянусь!.. Ох! Это не считается! – И он охнул с таким ужасом, что его хозяйка не могла удержаться от смеха. – Нет, миссис, вы за лошадей не беспокойтесь...

– Знаешь, Энди, – сказал Сэм, вернувшись под буквое дерево, – если лошадка этого джентльмена начнет артачиться, когда он на нее сядет, пусть этому другие дивятся, а я не удивлюсь. Иной раз, Энди, с лошадами еще не то случается. – И Сэм ткнул Энди в бок.

– Э-э! – сказал Энди, мгновенно все смекнув.

– Видишь ли, Энди, в чем дело? Миссис хочет оттянуть время. Это всякий дурак поймет. Ну что ж, я ей немножко помогу. Если эти кони сорвутся с привязи и помчат куда-нибудь к лесу, чужой хозяин не скоро отправится в путь-дорогу.

Энди ухмыльнулся.

– Так вот, Энди, – продолжал Сэм, – допустим, что жеребчик мистера Гейли вдруг начнет артачиться. Что мы с тобой сделаем? А мы бросимся на помощь и уж поможем мистеру Гейли, будьте покойны!

Тут оба они запрокинули головы и, прыснув со смеху, начали прищелкивать пальцами и приплясывать вне себя от восторга.

В эту минуту на веранде появился Гейли. Сменив гнев на милость после нескольких чашек хорошего кофе, он улыбался и говорил что-то, и, судя по всему, расположение духа у него было сносное.

Сэм и Энди напялили на голову пучки из пальмовых листьев, заменявшие им панамы, и кинулись со всех ног к коновязи «помогать чужому хозяину».

Пальмовые листья на голове у Сэма топорщились в разные стороны, словно воинственный убор какого-нибудь вождя с островов Фиджи. Панама Энди тоже обходилась без полей, и ее обладатель, ловко прилепнув тулью ладонью, с довольным видом посмотрел по сторонам, будто спрашивая: «А что? Скажете, плохо?»

– Ну, ребята, – обратился к ним Гейли, – пошевеливайтесь! Времени терять нечего!

– Ни минуточки не потеряем, – сказал Сэм, левой рукой подавая Гейли поводья, а правой придерживая стремя.

Энди отвязывал двух других лошадей.

Как только Гейли коснулся седла, горячий жеребчик взвился на дыбы и сбросил своего хозяина на мягкую сухую траву. Сэм с громкими воплями кинулся вперед, протянул руку к поводу, но вышеупомянутые пальмовые листья, как назло, угодили жеребчику в глаза, что отнюдь не способствовало успокоению его нервов. Он опрокинул Сэма, негодуя фыркнул, потом наподдал задними ногами и поскакал галопом к дальнему концу лужайки, сопровождаемый Биллом и Джерри, которых Энди, согласно уговору, не преминул отвязать да еще заулюлюкал им вслед.

Поднялась невообразимая суматоха. Сэм и Энди с криками бегали из стороны в сторону, собаки лаяли, Майк, Моз, Менди, Фенни и прочие малолетние обитатели здешних мест визжали, хлопали в ладоши и без усталости носились взад и вперед, проявляя услужливость не по разуму.

Серый жеребчик Гейли, конь резвый, норовистый, с большим азартом принял участие в этом спектакле. Имея в своем распоряжении окруженную со всех сторон лесом лужайку чуть ли не в полмили длиной, он испытывал огромное удовольствие, убеждаясь, что преследователей можно подпускать к себе совсем близко, а потом фыркать, брать с места галопом и нестись по тропинке в глубь леса. У Сэма не было ни малейшего намерения ловить лошадей раньше времени, но усилия, которые он прилагал к их поимке, казались со стороны поистине героическими. Его панама из пальмовых листьев, словно меч Ричарда Львиное Сердце, всегда сверкавший в самой гуще битвы, мелькала во всех тех местах, где лошадям не грозило никакой опасности быть пойманными. Он кидался туда со всех ног с криками: «Вот она! Держи! Лови!» – и тем самым только способствовал усилению всеобщей суматохи.

Гейли бегал взад и вперед, бранился, изрыгал проклятия, топал ногами. Мистер Шелби тщетно пытался руководить с веранды действиями Энди и Сэма, а миссис Шелби, стоя у окна своей комнаты, то заливалась смехом, то недоуменно пожимала плечами, в глубине души догадываясь об истинной подоплеке всей этой кутерьмы.

Наконец около полудня победоносный Сэм появился верхом на Джерри, ведя на поводу лошадь Гейли. Жеребчик был весь в мыле, но его горящие глаза и широко раздутые ноздри свидетельствовали о том, что дух свободы еще не угас в нем.

– Поймал! – торжествующим голосом крикнул Сэм. – Если б не я, до сих пор бы ловили, а вот я словчился, поймал!

– Ты поймал! – не слишком любезно буркнул Гейли. – Не будь тебя, ничего бы такого не случилось!

– Да господь с вами, сударь! – сокрушенно воскликнул Сэм. – А я-то старался, бегал! Ведь с меня семь потов сошло!

– Ладно, ладно! – сказал Гейли. – Три часа из-за тебя потерял, растяпа! Ну довольно дурака валять, поехали!

– Что вы, сударь! – взмолился Сэм. – Вы так и нас и лошадей уморите. Мы еле на ногах держимся, а лошади все в мыле. Неужто вы, сударь, захотите уехать без обеда? И лошадку вашу, сударь, надо почистить, глядите, какая она грязная! А Джерри хромает. Миссис забранится, если мы в таком виде отправимся... Да вы не сомневайтесь, сударь, мы Лиззи поймаем. Какой она ходок!

Миссис Шелби с удовольствием прослушала весь этот разговор и решила, что теперь настала пора выступить и ей. Она спустилась на веранду, выразила Гейли свое сожаление по поводу происшедшего и стала уговаривать его остаться обедать, уверяя, что на стол будет подано незамедлительно.

Гейли не оставалось ничего другого, как проследовать в гостиную, что он и сделал с довольно кислой физиономией, а Сэм, скорчив немыслимую гримасу ему вслед, с важным видом повел лошадей на конный двор.

– Видал, Энди? Нет, ты видал? – сказал Сэм, зайдя за конюшню, после того как лошади были привязаны. – Как он ругался, приплясывал, топал ногами, – ну просто загляденье! А я сам себе говорю: «Ругайся, ругайся, старый черт! Сейчас, говорю, тебе лошадку подавать или подождешь, когда поймаем?» Ох, Энди! Забыть его не могу!

И оба они, привалившись к стене конюшни, захохотали во все горло.

– Ты бы видел, как он на меня зыркнул глазами, когда я подвел лошадь. Убил бы на месте, будь его воля! А я стою как ни в чем не бывало – смирненький, знать ничего не знаю, ведать не ведаю.

– Видел, видел! – сказал Энди. – И хитер же ты, Сэм! Настоящая лиса!

– Что верно, то верно, – согласился Сэм. – А миссис стояла у окна и смеялась. Я заметил, а ты?

– Где там заметить – я носился как угорелый! – сказал Энди.

– Вот видишь, Энди, – сказал Сэм, не спеша принимаясь чистить лошадь Гейли. – Я человек замечательный, потому что такая у меня привычка – все замечать. Это очень важно, Энди. И тебе я тоже советую: развивай в себе эту привычку с молодости. Ну-ка, подними ей ногу, Энди. Так вот, Энди, некоторые негры бывают замечательные, а некоторые нет. В этом вся и разница. Разве я не заметил с утра, куда ветер дует? Разве я не заметил, чего нашей миссис надобно, хотя она ни словом об этом не обмолвилась? Значит, я, Энди, замечательный. Ничего не поделаешь – талант! У разных людей и таланты разные – у одних больше, у других меньше, надо развивать их, усердием многого можно добиться.

– Если б я тебе не шепнул кое-что сегодня утром, не был бы ты таким замечательным негром, – усмехнулся Энди.

– Энди, – сказал Сэм, – ты мальчик смывленный, далеко пойдешь. Я тебя, Энди, всегда рад похвалить и ничего не вижу в том зазорного, если позаимствую кое-что у такого, как ты. Каждый из нас может дать промах, Энди, так чего же зря нос задирать? А теперь, Энди, пойдем к дому. Чует мое сердце, что сегодня миссис велит накормить нас повкуснее!

Глава VII. *Борьба матери*

Невозможно представить себе человеческое существо, более жалкое и одинокое, чем Элиза, когда она направила свои шаги прочь от хижины дяди Тома.

Страдания мужа и опасность, подстерегавшая его ежеминутно, опасность, грозившая ребенку, – все это слилось в ее сознании с гнетущим ощущением риска, которому подвергалась она сама, покидая родное гнездо и лишаясь защиты любимой и уважаемой покровительницы. Ее терзала и разлука с местами, с которыми она так сжилась, – с усадьбой, знакомой с детства, с деревьями, под которыми она играла, с рощей, куда в прежние счастливые времена молодой муж водил ее гулять. Все это вставало теперь перед ней в холодном, ясном свете звезд и словно упрекало ее, спрашивая: куда же ты бежишь из такого дома? Но сильнее всех этих сожалений была материнская любовь, граничившая в минуту такой страшной опасности чуть ли не с безумием.

Гарри был уже большой мальчик, и Элиза обычно водила его за руку. Но сейчас ее пугала даже мысль о том, что можно выпустить сына из своих объятий, и, быстро шагая по дороге, она судорожно прижимала его к груди.

Подмерзшая земля похрустывала у нее под ногами, и она вздрагивала от этих звуков. Шелест листьев, колеблющиеся тени заставляли трепетать ее сердце, заставляли ускорять шаги. Она сама не понимала, откуда у нее берется столько сил, ибо каждый новый приступ страха словно удесятерял их, а ноша ее казалась ей легкой, как перышко.

– Господи, помилуй! Господи, спаси меня! – Эти слова то и дело срывались с ее бескровных губ.

Если б это был ваш Гарри или ваш Уилли, сударыня, и жестокий работороговец должен был бы отнять его у вас завтра утром; если бы вы видели этого человека собственными глазами и знали, что все бумаги уже подписаны и вручены ему, а на то, чтобы спастись бегством, у вас остались считанные часы – от полуночи до рассвета, – вы, думается, тоже не стали бы медлить! Сколько миль пробежали бы вы за короткую ночь, прижимая к сердцу свое сокровище и чувствуя, как его головка сонно клонится к вашему плечу, а маленькие нежные ручки доверчиво обнимают вас за шею?

Гарри спал. Он разгулялся было после неурочного ночного пробуждения, но мать не давала ему вымолвить ни слова, обещая спасти его, если только он будет молчать, и мальчик затих, обвив ручонками ее шею, а когда сон стал одолевать его, спросил:

– Мама, мне нельзя спать?

– Можно, родной, спи, спи.

– А если я усну, он меня не отнимет у тебя?

– Нет, что ты! Господь того не допустит! – воскликнула мать, побледнев еще больше, и ее темные глаза вспыхнули.

– Правда, не отнимет?

– Нет, нет! – повторила она, сама испугавшись своего голоса – таким чужим он ей казался.

Мальчик устало склонил голову на плечо матери и скоро уснул. Какой пыл, какая сила сквозили в каждом движении Элизы, чувствовавшей у себя на шее теплые ручки и безмятежное дыхание сына! Нежное прикосновение доверчиво прильнувшего к ней ребенка пронизывало ее словно электрическим током. Велика власть духа над плотью – так велика, что временами наше тело и нервы становятся неуязвимыми, мускулы приобретают твердость стали, и тогда даже самые слабые существа не знают предела своим силам.

Границы усадьбы, парк, роща промелькнули как во сне, а Элиза все шла, не убавляя шага, не задерживаясь ни на минуту, и розовые рассветные лучи застали ее на широкой проезжей дороге далеко от знакомых мест.

Со своей хозяйкой она не раз бывала в гостях у родственников Шелби, живших в маленьком поселке Т. на берегу реки Огайо, и хорошо знала эту дорогу. Дойти туда, перебраться на другой берег – вот как рисовался ей неясный план побега, а дальше... дальше она полагалась только на Бога.

Когда на дороге стали появляться проезжие – верхом и в тележках, – Элиза с быстротой соображения, свойственной человеку в минуту опасности, поняла, что ее торопливый шаг и взволнованный вид могут заинтересовать встречных и возбудить в них подозрения. Поэтому она спустила ребенка с рук, оправила на себе платье и капор и пошла медленнее, стараясь соблюдать спокойствие и чинность. Она успела запастись на дорогу пирожками и яблоками и теперь с их помощью подгоняла ребенка – вынимала яблоко из узелка, катила его по дороге, и мальчик со всех ног бежал за ним. Эта уловка помогла им одолеть не одну милю.

Вскоре они подошли к густому лесу, где журчал чистый ручеек. Гарри уже начинал жаловаться на голод и жажду, и Элиза перебралась вместе с ним через изгородь, села на землю за большим камнем так, чтобы никто не увидел их с дороги, и развязала узелок с завтраком. Гарри удивился и опечалился, видя, что мать ничего не ест, и, обняв ее одной рукой за шею, стал совать ей в рот пирожок, но Элиза не могла проглотить ни куска – спазмы душили ее.

– Не надо, Гарри! Мама не станет есть, пока не успокоится за тебя. Мы сейчас пойдем дальше, дальше... к реке. – И она снова вывела его на дорогу и снова заставила себя идти спокойно, не торопясь.

Места, в которых ее знали, остались далеко позади. Теперь, если случайно и встретится знакомый человек, он не подумает, что она убежала от своих хозяев, доброта которых была всем хорошо известна. А чужой, глядя на их светлую кожу, вряд ли сразу заподозрит в ней и Гарри негритянскую кровь.

Около полудня они подошли к чистенькой ферме, и Элиза решила отдохнуть там немного и купить еды себе и ребенку, ибо чем дальше уходила она от опасности, тем больше и больше спадало страшное нервное напряжение и тем сильнее давали себя знать голод и усталость.

Хозяйка фермы, женщина добродушная, разговорчивая, обрадовалась случаю поболтать с гостьей и приняла на веру слова Элизы, сказавшей, что тут неподалеку у нее живут друзья и она хочет погостить у них с недельку. («О, если бы так было на самом деле!» – мелькнуло в мыслях у несчастной беглянки.)

За час до захода солнца Элиза, усталая, но по-прежнему полная решимости, вошла в поселок Т. Первый взгляд ее был обращен к реке, словно Иордан, катившей свои воды, которые отделяли этот берег от берега обетованной земли, где ее ждала свобода.

Наступила весна, река вздулась, течение было бурное. Огромные льдины, крутясь, плыли по мутной воде. В этом месте извилистый берег штата Кентукки дугой вдавался в реку. В узком проливе образовались заторы. Льдины громоздились одна на другую, и этот барьер, напоминавший огромный зыбкий плот, заполнял собой почти все пространство между обоими берегами.

Элиза сразу поняла, что о пароме нечего и думать, и вошла в стоявшую на берегу небольшую гостиницу.

Хозяйка, хлопотавшая у плиты, на которой что-то шипело и жарилось, услышала нежный и жалобный голос Элизы и выпрямилась, не выпуская вилки из рук.

– Вам что? – спросила она.

– Скажите, есть тут паром или лодка? Мне нужно попасть в Б., на тот берег.

– Какие там лодки! Они теперь уже не ходят, – ответила женщина, но, заметив, какой разочарованный и удрученный стал вид у Элизы, спросила: – Вам надо на ту сторону? Кто-нибудь заболел? Вы торопитесь?

– У меня ребенок в опасности, – сказала Элиза. – Я узнала об этом только вчера вечером и сегодня весь день была в дороге, думала попасть на паром.

– Вот беда-то! – воскликнула женщина, материнское сердце которой сразу откликнулось на чужое горе. – Не могу вам не посочувствовать... Соломон! – крикнула она, выглянув в окно.

В дверях небольшого сарая появился человек в кожаном фартуке и с запачканными руками.

– Слушай, Сол, – обратилась к нему женщина, – поедут сегодня на тот берег?

– Говорят, опасно очень, но все-таки хотят попробовать, – ответил Сол.

– Здесь есть один фермер, который собирался ехать в Огайо с овощами, если только река позволит. Он придет сюда к ужину, так что советую вам подождать его... Какой у вас хорошенький мальчик! – добавила она, протягивая Гарри пирожок.

Усталый, измученный ребенок расплакался.

– Бедняжка ты мой! Он никогда столько не ходил, а я ему и поспать не дала! – вздохнула Элиза.

– Уложите его в этой комнате, – сказала женщина, отворяя дверь в маленькую спальню, где стояла удобная кровать.

Элиза положила на нее усталого мальчика, взяла его руки в свои и не отходила от него до тех пор, пока он не заснул. О своем отдыхе она и не думала. Мысль о погоне жгла ее огнем, побуждая идти дальше, и она с тоской смотрела на угрюмую, бурную реку, которая лежала между ней и свободой.

А теперь мы на время покинем Элизу и посмотрим, что делают ее преследователи.

Хотя миссис Шелби и обещала не задерживать обеда, но, как говорит старая пословица, «один в поле не воин». Соответствующее распоряжение было отдано в присутствии Гейли и доведено до сведения тетушки Хлои. Однако эта важная особа, выслушав по меньшей мере пятерых юных посланцев, вместо ответа сердито фыркнула, вскинула голову и продолжала свое дело с необычайной для нее медлительностью и кропотливостью.

По каким-то непонятным причинам у всей прислуги создалось впечатление, что хозяйка не будет очень сетовать на задержку, и приходилось только удивляться, сколько всяких помех замедляло ход дела! Одно злосчастное существо ухитрилось опрокинуть соус, и соус пришлось делать *de novo*³ с должной тщательностью и с соблюдением сложнейших правил его изготовления. Тетушка Хлоя не сводила с него глаз, еле-еле помешивая в кастрюле ложкой, на все просьбы поторопиться строго отвечала, что «она не собирается подавать на стол недоваренный соус по милости тех, кому понадобилось кого-то ловить». Другой из ее подручных упал с ведром, и к колодцу пришлось идти второй раз. Третий пролил масло. Время от времени на кухню прибегал кто-нибудь и, хихикая, сообщал, что «мистер Гейли сам не свой, не сидится ему на стуле, ходит взад и вперед, то в окно взглянет, то на веранду выбежит».

– И поделом! – негодовала тетушка Хлоя. – Сейчас сам не свой, а дальше ему еще хуже будет, если не образумится. Владыка небесный когда-нибудь спросит с него за все грехи, посмотрим, что он тогда запоем!

– Быть ему в аду, это как пить дать! – сказал маленький Джейк.

– Туда ему и дорога, – мрачно подтвердила тетушка Хлоя. – Сколько сердец из-за него кровью обливаются! Попомните мое слово, – и она подняла руку, в которой держала ложку, – все сбудется по Писанию, как нам мистер Джордж читал: души убиенных плачут пред жертвен-

---

³ Заново (лат.).

ником и вызывают к Господу об отмщении! И настанет час, когда Господь услышит их! Услышит!

Тетушку Хлою, пользовавшуюся большим уважением на кухне, всегда слушали с открытым ртом, и теперь, когда обед был уже подан, все внимали на свободе ее словам и по мере сил участвовали в беседе.

– Гореть такому на вечном огне! Ведь правда? – сказал Энди.

– Вот бы полюбоваться, как это будет! – воскликнул Джейк.

– Дети! – раздался голос.

И, услышав его, все вздрогнули. Это был дядя Том, который, остановившись в дверях, слушал их разговор.

– Дети, – повторил он, – вы сами не знаете, о чем говорите. «Вечность» – страшное слово, дети мои. О ней и думать нельзя без ужаса. Вечные мучения. Этого никому нельзя пожелать.

– Такие кровопийцы не в счет, – сказал Энди. – Им, злодеям, все этого желают.

– Сама природа против них вопиет, – сказала тетушка Хлоя. – Разве они не продают младенцев, не отрывают их от материнской груди? И постарше ребяташек тоже продают, те плачут, цепляются за материнскую юбку, а этим извергам хоть бы что – отнимут у матери и продадут. А разве им не приходилось разлучать жену с мужем? – Тетушка Хлоя всхлипнула – Ведь это все равно, что жизни человека лишить. Им-то горя мало – веселятся, вино пьют, трубочку покуривают. Если и сатане до них дела нет, так зачем он тогда нужен! – Она закрыла лицо клетчатым передником и заплакала навзрыд.

– Священное Писание говорит: молись за врагов своих, – сказал дядя Том.

– Молись за врагов! – воскликнула тетушка Хлоя. – Нет! Это мне не по силам. Не могу я за них молиться!

– Ты говоришь, Хлоя, «сама природа против них вопиет». Да, природа сильна в нас, но милость господня преодолееет и ее. Ты только подумай, какая у него душа, у этого человека, и благодари Бога, что он сотворил тебя иной. Да пусть меня продадут еще десять раз, только бы мне не иметь его грехов на совести!..

– Я тоже так думаю, – сказал Джейк. – А ты, Энди?

Энди пожал плечами и недоуменно свистнул.

– Хорошо, что хозяин никуда не уехал сегодня, – продолжал Том. – Мне было бы очень тяжело перенести это, тяжелее, чем то, что меня продали. Правда, ему-то легче бы уехать. А каково мне? Ведь я его с детских лет знаю... Все-таки повидались мы с ним, и теперь я покорился воле божией. Хозяин наш ничего другого не мог поделаться и рассудил правильно. Боюсь я только, как бы тут без меня не пошло все прахом. Ведь он не станет приглядывать за каждой мелочью, входить во все, как я входил. Народ у нас неплохой, только очень уж беспечный. Вот я о чем тревожусь.

В эту минуту раздался звонок, и Тома позвали в гостиную.

– Том, – ласково начал мистер Шелби, – я хочу, чтобы ты знал следующее: если тебя не окажется на месте, когда этот джентльмен за тобой приедет, мне придется уплатить ему тысячу долларов неустойки. Сегодня он займется другими делами, и ты волен располагать собой. Можешь отлучиться куда угодно.

– Спасибо, хозяин, – сказал Том.

– Запомни это хорошенько, – ввязался в разговор работороговец, – и не вздумай надуть мистера Шелби. Если ты убежишь, я с него все до единого цента взыщу. Говорю ему: не доверяйте неграм, негр – что твой угорь: секунда – и выскользнул из рук, да он меня не слушает.

– Хозяин, – сказал Том, выпрямившись, – мне шел девятый год, когда старая миссис поручила мне вас, а вам тогда и годика не было. «Вот, говорит, Том, это твой маленький хозяин, береги его». И теперь я вас спрашиваю: разве Том хоть когда-нибудь обманывал своего хозя-

ина, хоть когда-нибудь позволил себе послушаться его, особенно с тех пор, как меня приняли в лоно церкви?

Мистер Шелби был глубоко взволнован, слезы выступили у него на глазах.

– Друг мой, – сказал он, – видит Бог, ты говоришь правду, и будь у меня хоть малейшая возможность, я бы не продал тебя ни за какие деньги.

– Верь и моему слову, Том, – слову христианки, – сказала миссис Шелби. – Как только я скоплю нужную сумму, мы тебя немедленно выкупим... Сэр, – обратилась она к Гейли, – хорошенько разузнайте человека, которому вы будете продавать Тома, и известите меня, к кому он попадет.

– Непременно извещу, – ответил работорговец. – А может, через годик привезу вашего Тома в целости и сохранности обратно и предложу вам же.

– Мы купим его, и вы на этом хорошо заработаете, – сказала миссис Шелби.

– Ну что ж, мне все равно, кому бы ни продать, лишь бы себе не в убыток. Жить-то надо, сударыня! У нас у всех это первая забота.

Миссис и мистера Шелби коробила наглая развязность работорговца, но они старались не выдавать своих чувств. Чем ярче проявлялись грубость и бессердечие этого человека, тем сильнее сжималось сердце миссис Шелби при мысли о том, что ему, быть может, удастся поймать Элизу с ребенком, и тем усерднее пускала она в ход разные женские уловки, стараясь во что бы то ни стало задержать его. Она любезно улыбалась, поддакивала ему, непринужденно болтала – словом, делала все, чтобы время текло незаметно.

Ровно в два часа Сэм и Энди подвели к веранде лошадей, которых утренние скачки, по всей видимости, только освежили и подбодрили.

Сэм, весь лоснящийся после сытного обеда, был полон рвения и готовности сразу пуститься в погоню. Когда Гейли подошел к коновязи, Сэм, не скупясь на слова, стал хвастаться перед Энди, что при его участии «дело выгорит».

– Ваш хозяин собак не держит? – в раздумье спросил Гейли, ставя ногу в стремя.

– А как же! У нас их целая свора! – воскликнул Сэм. – Вон видите, Бруно – зверь, а не пес. И у негров почти у каждого по собачке.

Гейли презрительно фыркнул и добавил еще несколько весьма нелестных слов по адресу вышеупомянутых животных, на что Сэм пробормотал:

– Зачем их зря обижать?

– А ищеек, с которыми негров отслеживают, у вашего хозяина нет? Впрочем, что спрашивать, я и сам это знаю.

Сэм прекрасно его понял, но продолжал прикидываться простачком.

– У наших собак чутье хоть куда. Вам, верно, таких и надо. Правда, они не натасканы отслеживать негров, но собаки хорошие, их только науськать надо как следует. Бруно! – Он свистнул огромному ньюфаундленду, и пес радостно бросился на его зов.

– Поди ты к черту! – сказал Гейли, садясь в седло. – Ну ладно, пошевеливайся!

Сэм выполнил это приказание, ухитрившись незаметно ткнуть Энди пальцем в бок. Энди так и прыснул со смеху, отчего Гейли пришел в ярость и замахнулся на него хлыстом.

– Удивляюсь я тебе, Энди, – степенно проговорил Сэм. – Дело такое серьезное, а ты все хи-хи-хи да ха-ха-ха! Эдакие помощники мистеру Гейли не нужны.

– Поедем напрямик к реке, – решительно сказал работорговец, когда они выехали на границу поместья. – Я этих беглых негров знаю, они все к подпольной дороге⁴ тянутся.

---

⁴ Подпольная дорога. – В 1850 году в США был издан закон, обязывавший население Северных штатов выдавать беглых рабов их владельцам. После этого беглецы стали пробираться в Канаду по «подпольной дороге», то есть скрываясь в домах у людей, которые, в нарушение закона, давали им приют и переправляли с одной «станции» на другую до самой границы.

– Правильно! – воскликнул Сэм. – Мистер Гейли без промаха в самую цель бьет! Теперь я вот что вам скажу: к реке можно проехать и по старой дороге и по новой. Как мистер Гейли решит?

Энди в простоте душевной с удивлением воззрился на Сэма, впервые слыша о таком факте из области географии, но тут же горячо подтвердил его слова.

– Мне думается, – продолжал Сэм, – что Лиззи выбрала старую дорогу, потому что там не таклюдно.

Гейли, человек опытный и привыкший опасаться всяческих подвохов, все же попался на эту удочку.

– Вам, пожалуй, поверишь, лгунам бессовестным... – сказал он после минутного размышления.

Неуверенный, задумчивый тон, которым были произнесены эти слова, так развеселил Энди, что он отъехал немного в сторону и весь затрясся от беззвучного хохота, рискуя, того и гляди, свалиться с седла. Но ни один мускул не дрогнул на физиономии Сэма, и он продолжал с серьезной миной взирать на Гейли.

– Дело ваше, сударь. Если решите ехать напрямик, так и поедем. Нам, сударь, все равно. Пожалуй, оно и вернее будет, как поразмыслишь.

– Разумеется, она выбрала безлюдную дорогу, – продолжал Гейли размышлять вслух, не обращая внимания на Сэма.

– Да кто ее знает, – сказал Сэм. – Женщины чудной народ. Поди угадай, что у них на уме! Думаешь, так сделают, а глядишь, все получилось шиворот-навыворот. Они от природы такие. Если вы рассчитываете, что она пошла старой дорогой, поезжайте по другой, тогда наверняка найдете. Я лично думаю, что Лиззи старую дорогу и выбрала, значит, нам надо сворачивать на новую.

Эта глубокомысленная оценка всей женской половины рода человеческого не расположила Гейли к выбору проселка. Он решительно заявил, что надо ехать старой дорогой, и спросил Сэма, когда они до нее доберутся.

– Добраться-то недолго, – ответил Сэм, подмигнув Энди. Потом добавил: – Но я думал, думал, и, по-моему, нам этой дорогой ехать не стоит. Я там никогда не бывал. Она безлюдная, еще заплутаемся, не приведи господь.

– И все-таки поедем по ней, – сказал Гейли.

– Вот я еще что вспомнил: говорят, она перегорожена у речки. Верно, Энди?

Энди сказал, что тоже никогда не ездил той дорогой и знает о ней только понаслышке. Короче говоря, добиться от него путного ответа не удалось.

Гейли, привыкший отыскивать правду где-то посредине между выдумками большего или меньшего размаха, остановил свой выбор на старой дороге. Он решил, что Сэм сболтнул о ней ненароком, а потом спохватился и, не желая подводить Элизу, всячески изворачивается, лишь бы уговорить его ехать другим путем.

Поэтому, как только Сэм показал ему старую дорогу, он пришпорил коня и поскакал по ней в сопровождении обоих негров.

Дорога эта действительно вела когда-то к реке, но после того, как проложили новую, ею никто не пользовался. Первые несколько миль по ней еще можно было ехать, но дальше она упиралась в огороженные поля и фермы. Сэм прекрасно знал об этом, а Энди на самом деле не подозревал о существовании старой дороги, ибо на его памяти по ней уже не ездили. Поэтому он с должной покорностью трусил за Гейли и лишь изредка принимался стонать и жаловаться, что теперь Джерри окончательно собьет себе ногу.

– Вы лучше помалкивайте, – сказал Гейли. – Меня не проведешь! Все равно с этой дороги не сверну, сколько бы вы оба ни скулили.

– Ваше дело хозяйское, – покорно ответил Сэм и так многозначительно подмигнул Энди, что тому стоило больших трудов удержаться от нового взрыва веселья.

Сэм был настроен чрезвычайно бодро. Он крутился по сторонам, притворяясь, что высматривает беглянку, и то ухитрялся увидеть «чей-то капор» на вершине какого-нибудь холма вдалеке, то спрашивал Энди: «Не Лиззи ли бежит вон по той ложбине?» Все свои замечания Сэм принаравливал к самым неровным и каменистым местам дороги, где погонять лошадей было почти невозможно, и таким образом не давал Гейли ни минуты покоя.

Через час всадники галопом спустились с крутого косогора к большому сараю. На дворе возле него не было ни души, по-видимому, все обитатели фермы работали в поле. Но так как сарай стоял как раз посередине дороги, было ясно, что в этом направлении их путешествие можно считать оконченным.

– Что я вам говорил, сударь? – сказал Сэм с видом оскорбленной невинности. – Вы человек не здешний, наших мест не знаете, а мы здесь родились и выросли.

– Мерзавец! – крикнул Гейли. – Ты знал, что здесь нет проезда!

– А разве я вам этого не говорил? Да ведь вы и слушать меня не захотели! А я предупреждал: сударь, дорога перегорожена, там ни пройти, ни проехать. Спросите Энди, он все слышал.

Сэм был прав – спорить не приходилось, и незадачливому Гейли не оставалось ничего другого, как подавить свою досаду и повернуть обратно.

Вследствие всех этих задержек погоня достигла поселка на берегу реки Огайо минут через сорок после того, как Элиза уложила Гарри спать в маленькой придорожной гостинице. Она стояла у окна, глядя в противоположную от Сэма сторону, но ему достаточно было одного взгляда, чтобы узнать ее. Гейли и Энди ехали сзади. В эту критическую минуту Сэм ухитрился сделать так, что у него снесло ветром панаму, и он громко крикнул. Услышав знакомый голос, Элиза отпрянула в глубь комнаты; всадники проскакали мимо окна и остановились у входной двери.

Тысячу жизней прожила Элиза в один этот миг. Дверь спальни выходила прямо на реку. Она схватила ребенка и бросилась вниз по ступенькам. Работоторговец увидел ее уже у самого берега, спрыгнул с седла и, окликнув Сэма и Энди, кинулся в погоню за ней, словно гончая за оленем. Элизе казалось, что ее ноги еле касаются земли; секунда – и она уже подбежала к самой воде. Преследователи были совсем близко. Полная той силы, которую дает Господь человеку, доведенному до отчаяния, Элиза дико вскрикнула и в один прыжок перенеслась через мутную, бурлящую у берега воду на льдину. Такой прыжок можно было сделать только в припадке безумия, и, глядя на нее, Гейли, Сэм и Энди тоже невольно вскрикнули и взмахнули руками.

Огромная зеленоватая льдина накренилась и затрещала, но Элиза не задержалась на ней. Громко вскрикивая, она бежала все дальше и дальше, прыгала через разводья, скользила, спотыкалась, падала... Туфли свалились у нее с ног, чулки были разорваны, исцарапанные ступни оставляли кровавые следы на льду. Но она ничего этого не замечала, не чувствовала боли и очнулась лишь тогда, когда увидела перед собой, смутно, словно во сне, противоположный берег и человека, протягивающего ей руку.

– Смелая вы женщина! – сказал этот человек.

Элиза признала в нем фермера, жившего недалеко от ее прежнего дома.

– Мистер Симз, спасите... умоляю вас... спрячьте меня! – крикнула она.

– Позвольте! – сказал фермер. – Да ведь вы у Шелби живете!

– Моего ребенка... сына... продали! Вон его хозяин! – И она показала на другой берег. – Мистер Симз, у вас тоже есть сын!

– Да, есть! – сказал он с грубоватой лаской в голосе, помогая ей взобраться по крутому откосу. – Кроме того, вы храбрая женщина, а я люблю таких отчаянных.

Поднявшись вместе с Элизой на берег, Симз остановился и сказал:

– Я бы рад вам помочь, да мне некуда вас спрятать. Могу только посоветовать: идите вон туда, – и он показал на большой белый дом, стоявший немного в стороне от главной улицы поселка. – Туда идите, там живут добрые люди. Им не впервой, они всем помогают и вас из любой беды выручат.

– Да благословит вас Бог! – с чувством сказала Элиза.

– Пустяки! – ответил Симз. – Есть о чем говорить!

– Сэр! Вы никому про меня не расскажете?

– Да будет вам, конечно, не расскажу! За кого вы меня принимаете! Ну, счастливого пути. Свобода вам досталась недаром, и никто у вас ее не отнимет, помяните мое слово!

Молодая женщина прижала ребенка к груди и быстрыми, твердыми шагами пошла прочь от берега. Симз долго смотрел ей вслед.

– Шелби, наверно, сказал бы, что добрые соседи так не поступают. А что мне было делать? Если какая-нибудь из моих негрятенок сбежит и попадется ему на глаза, пусть оплатит мне той же монетой. Не охотник я смотреть, как на человека спускают собак, а он бежит из последних сил, задыхается. Да вообще, с какой стати я буду ловить чужих невольников?

Так рассуждал этот бедный, невежественный житель штата Кентукки, не разбиравшийся толком в законах своей страны и поступивший по совести, чего вряд ли можно было от него ожидать, если б он занимал более высокое положение в обществе и был бы человеком более осведомленным.

Гейли стоял как вкопанный, наблюдая за этой сценой, а когда Элиза скрылась из виду, он обратил недоуменно-вопрошающий взгляд на Сэма и Энди.

– Вот это здорово! – воскликнул Сэм.

– Дьявол, что ли, вселился в эту женщину? – растерянно проговорил Гейли. – Как дикая кошка прыгала!

– Ну, сударь, надеюсь, туда вы нас не пошлете? – сказал Сэм, почесывая голову. – Я скакать по льдинам не берусь, уж не взыщите. – И он захихикал.

– Ты еще посмейся у меня! – рявкнул на него работороговец.

– Ох, сударь, сил моих больше нет! – И, дав себе волю, Сэм расхохотался во все горло. – Уж больно смешно было смотреть – прыг, скок... льдины трещат... плюх, плюх! шлеп! Дальше бежит! И какая ловкая!

Сэм, а с ним заодно и Энди так покатывались со смеху, что их даже слеза прошибла.

– Как бы вам сейчас не захныкать! – крикнул работороговец, замахиваясь на них хлыстом.

Увернувшись от удара, они с криком бросились бежать вдоль по берегу к лошадям.

– Всего вам хорошего, сударь! – степенно сказал Сэм. – Миссис, наверно, давно уж беспокоится о Джерри. Мы мистеру Гейли больше не нужны. Миссис никогда бы нам не позволила гнать лошадей по тому мостику, по которому бежала Лиззи.

Сэм ткнул Энди кулаком в бок, и они поскакали прочь, заливаясь хохотом, отголоски которого ветер еще долго доносил до Гейли.

Глава VIII. Спасена!

Элиза перебежала на берег штата Огайо, когда начали спускаться сумерки. Она сразу скрылась в седом вечернем тумане, медленно поднимавшемся над рекой, а разлив и ледоход представляли собой непреодолимое препятствие для ее преследователя. Раздосадованный Гейли повернулся и медленно побрел к гостинице, раздумывая, что же предпринять дальше. Хозяйка впустила его в маленькую заднюю комнату, где стоял стол, покрытый блестящей черной клеенкой, и несколько стульев с высокими спинками. Пол был застлан ковриком, сшитым из лоскутов; над очагом, в котором еле теплился огонь, стояли на полочке ярко размазанные гипсовые статуэтки. Гейли сел на длинную, грубо сколоченную скамью у очага и погрузился в размышления о суетности человеческих надежд и человеческого счастья.

– Дался же мне этот мальчишка! – бормотал работорговец. – Сижу теперь в дураках по его милости! – И он отпустил по своему адресу такой набор проклятий, что мы, повинувшись чувству благопристойности, не будем приводить их здесь, хотя они были вполне им заслужены.

Громкий, резкий голос у дверей гостиницы прервал самобичевания.

Гейли подошел к окну.

– Ах, черт возьми! Вот удача-то! Правда люди говорят – судьба. Неужто это Том Локкер?

Гейли быстро распахнул дверь. У стойки, в углу комнаты, стоял рослый широкоплечий детина. На нем была куртка из буйволовой кожи мехом наружу, придававшая его и без того свирепой физиономии нечто звероподобное. Необузданная жестокость сквозила во всем его облике. Если читатель способен вообразить будьдога, разгуливающего на задних лапах в куртке и шляпе, он получит полное представление об этом человеке. Его спутник был полной противоположностью ему. Маленький, щуплый, он напоминал движениями кошку, а его настороженность и явную проницательность еще больше подчеркивали темные волосы, вихрами торчавшие надо лбом, пронзительный взгляд черных глаз и тонкий, длинный нос.

Великан налил полстакана виски и выпил его залпом. Маленький стал на цыпочки, повертел головой, точно принюхиваясь к бутылкам, и наконец дрожащим, тоненьким голосом заказал себе порцию мятной. Получив стакан, он бросил на него самодовольный взгляд, видимо, уверенный в правильности своего выбора, и стал потягивать мятную маленькими, осторожными глотками.

– Ну и подвезло мне! Какая приятная встреча! Здравствуй, Локкер! – сказал Гейли, с протянутой рукой подходя к стойке.

– Вот черт! – последовал ответ. – Как ты сюда попал, Гейли?

Его спутник, которого звали Мэркс, мгновенно отнял стакан ото рта и, вытянув шею, уставился на незнакомца – ни дать ни взять кошка, когда она собирается сцапать сухой лист или какой-нибудь другой движущийся предмет.

– До чего же я тебе рад, Том! Надо мной такая беда стряслась! Помогай! Вся надежда на тебя одного.

– Ну конечно! – буркнул Локкер. – Уж если ты кому рад, значит, это неспроста, значит, что-нибудь понадобилось. Ну, говори, в чем дело?

– Это твой приятель? – спросил Гейли, недоверчиво глядя на Мэркса. – Наверно, компаньон?

– Да. Познакомься, Мэркс. Это тот самый, с кем я работал в Натчезе.

– Очень рад, – сказал Мэркс, протягивая Гейли длинную, сухую, как птичья лапка, руку. – Имею честь видеть мистера Гейли?

– Он самый, сэр, – ответил работорговец. – А теперь, джентльмены, по случаю такой счастливой встречи разрешите вас угостить. Эй ты, любезный, – обратился он к человеку за

стойкой, – подай-ка нам горячей воды, сахару, сигар и побольше живительной влаги. Сейчас закатим здесь пир на весь мир.

И вот свечи зажжены, огонь в очаге разгорается чуть пожарче, и трое наших почтеннейших джентльменов восседают за столом, на котором выставлены все перечисленные выше угощения, способствующие дружеской беседе.

Гейли весьма трогательно описал свои неудачи. Локкер хмуро молчал и слушал его внимательно. Мэркс хлопотал над приготовлением пунша по собственному рецепту, но время от времени отрывался от этого занятия и совал свой острый подбородок и нос чуть ли не в самое лицо Гейли, стараясь не пропустить ни одного слова. Конец рассказа, видимо, доставил ему огромное удовольствие, так как он затрясся от беззвучного смеха, скривив свои тонкие губы.

– Выходит, здорово вас надули! Хи-хи-хи! И как все чисто сделано!

– Одни хлопоты с этими мальчишками! – вздохнул Гейли.

– Да-а! Вырастить бы такую породу женщин, которые не любили бы своих детенышей! Вот это было бы усовершенствование! – И Мэркс сопровождал свою шуточку легким смешком.

– Вот именно! – сказал Гейли. – И чего они так за них цепляются, ей-богу, не понимаю! Ведь им с этими ребятами одно горе. Уж, кажется, отделались от такой обузы, и слава богу. Так нет! Глядишь, заморыш какой-нибудь, ни цента не стоит, а им такие будто еще милее.

– Передайте-ка мне горячую воду, мистер Гейли, – сказал Мэркс. – Да, сэр, с вами нельзя не согласиться. Когда я еще занимался торговлей, попалась мне раз одна негритянка – здоровая, рослая и к тому же смышленная, а мальчишка у нее был хворый какой-то, горбатый, что ли, не знаю. Я отдал его одному человеку задаром – рискни, мол, может, что и заработаешь. Мне и в голову не пришло, что мать будет так убиваться. А вы посмотрели бы, что она вытворяла! Мальчишка больной, капризный, казалось бы – одно мучение с ним, а она в нем души не чает. И притворства тут никакого не было – плачет-разливается, места себе не находит, будто осталась одна-одинешенька на всем белом свете. Смех смотреть! Да, женщины народ чудной, от них всего можно ждать.

– У меня тоже был такой случай, – подхватил Гейли. – Прошлым летом купил я на Ред-Ривер одну негритянку с ребенком. Ребенок был ничего – смазливенький, глаза такие живые, блестящие, и, представьте себе, оказался слепой. Ничего не видит! Ну, думаю, сплавлю это сокровище куда-нибудь, и уже сговорился сменять его на бочонок виски, а попробовал взять у матери, – ну куда там – суцая тигрица, и не подступишься. А дело было у пристани, мы еще не отчалили, и вся моя партия сидела без кандалов. Так, как вы думаете, что она сделала? Вскочила на кипу хлопка, точно кошка, и выхватила нож у одного матроса. Все от нее шарахнулись, кто куда, а потом она поняла, что все равно не убежишь, и прямо вниз головой и кинулась в реку вместе с ребенком – только их и видели.

Том Локкер, слушавший их рассказы с плохо скрываемым презрением, громко фыркнул.

– Растяпы вы оба! У меня негритянки таких штук не проделывают.

– Да ну! Как же ты с ними справляешься? – живо спросил Мэркс.

– Как справляюсь? А вот как. Скажем, покупаю я негритянку, и если при ней ребенок, которого можно продать, я тычу ей кулаком в нос и говорю: «Вот, видала? Попробуй только пикнуть, избыю нещадно. Чтобы я от тебя ни слова, ни полслова не услышал. Ребенок, – говорю, – мой, а не твой, и ты о нем забудь. Я его продам при первом же удобном случае, и не вздумай тут буяннить, не то пожалеешь, что на свет божий родилась». Уверяю вас, они прекрасно понимают, что со мной шуточки плохи, и молчат, как рыбы. А если какая-нибудь вдруг начнет голосить... – Мистер Локкер стукнул кулаком по столу, заменив этим выразительным жестом недосказанные слова.

– Убедительно, что и говорить! – сказал Мэркс и, ткнув Гейли пальцем в бок, захихикал. – Ну и штучка наш Том! Хи-хи-хи! Он какого угодно безмозглого негра образумит. Да, Том, если ты сам и не дьявол, так родным братцем ему приходишься.

Том выслушал эту похвалу с подобающей скромностью, и даже выражение лица у него стало любезное, насколько любезность может быть свойственна человеку с таким «песьим нравом», как говорит Джон Беньян.

Гейли, приналегший на главное угощение, вскоре же вознесся духом и возомнил бог знает что о своих добродетелях – явление, нередко имеющее место при подобных же обстоятельствах у джентльменов с серьезным складом ума.

– Нет, правда, Том! – начал он. – Я всегда считал, что ты поступаешь нехорошо. Помнишь, сколько раз мы с тобой толковали об этом в Натчезе? Я тебе еще тогда доказывал, что и коммерцию можно вести без убытка и с товаром обращаться по-хорошему – одно другому не мешает. С такой политикой в нашем мире спокойнее жить, и, кроме того, это даст тебе лишний шанс попасть в Царство Небесное, когда дело дойдет до окончательных расчетов.

– Ты мне доказывал! – возмутился Локкер. – С души воротит слушать такую белиберду. – И он залпом выпил полстакана неразбавленного виски.

– Нет, ты подожди, – продолжал Гейли, откидываясь на спинку стула и взмахивая рукой. – Ты не мешай мне говорить. Я всегда обделывал свои дела так, чтобы перво-наперво выгоды было побольше. Но ведь коммерция и деньги это не самое главное в жизни, потому что у всех у нас есть душа. Хотите – слушайте меня, хотите – нет, воля ваша, а я свое скажу. Я человек религиозный, и дайте мне только сколотить капиталец, тогда я и о душе подумаю, и обо всем прочем. Нет, как хотите! Ни к чему нам зверствовать больше, чем нужно. Это не благоразумно!

– О душе он будет думать! – презрительно повторил Том. – Зря только время потеряешь, потому что в тебе души днем с огнем не сыщешь. Да если б тебя сам дьявол сквозь сито пропустил, и то все его труды пропали бы даром!

– Что же ты злобишься, Том! – сказал Гейли. – Человек тебе добра желает, а ты ему в простой любезности отказываешь.

– Перестань чепуху молоть! – оборвал его Том. – Что угодно от тебя стерплю, только не канючь ты про свою набожность! Да уж если на то пошло, велика ли разница между тобой и мной? Может, ты совестливее или сердце у тебя добрее? Как бы не так! Будто я не вижу твоей подлости, не понимаю, что ты норовишь и самого дьявола вокруг пальца обвести, и шкуру свою сберечь! А уж благочестивым ты себя лучше не выставляй! Слушать тошно! С молодых ногтей с дьяволом снюхался, а придет время с ним рассчитывать, так поминай как звали? Тьфу!

– Джентльмены! Джентльмены! Это не по-деловому! – вмешался в их разговор Мэркс. – Существуют разные подходы, разные взгляды на вещи. Мистер Гейли, без сомнения, человек прекрасный, совестливый, а у тебя, Том, свой способ ведения дел, и способ весьма почтенный. Ссориться вам, джентльмены, не имеет никакого смысла. Давайте перейдем к делу. Так чего же вы от нас хотите, мистер Гейли? Чтобы мы поймали вашу беглянку?

– Мне на нее наплевать, она не моя, а Шелби. Все дело в мальчишке. Дурак я был, что связался с этим чертенком!

– А ты всегда был дураком, – буркнул Локкер.

– Ну-ну, Том, брось грубить! – сказал Мэркс и облизнул губы. – Насколько я понимаю, мистер Гейли предлагает нам выгодное дельце. Помолчи минутку, я с ним сам обо всем договорюсь, это по моей части. Итак, мистер Гейли, что это за женщина? Какая она?

– Красивая, цвет кожи светлый, хорошего воспитания. Я бы за нее ни восьмисот, ни тысячи долларов не пожалел – и то бы неплохо на ней заработал.

– Цвет кожи светлый, красивая и хорошо воспитана, – повторил Мэркс, и его нос, рот и черные глазки пришли в движение. – Слушай, Локкер, а ведь это соблазнительно! Давай возьмемся. Поймаем их обоих, мальчишку, конечно, вернем мистеру Гейли, а мать отвезем в Новый Орлеан и продадим. Плохо ли!

Локкер, слушавший своего приятеля с открытым ртом, щелкнул зубами, точно собака, которой достался кусок мяса, и погрузился в размышления, как бы пережевывая эту новую идею.

– Дело обстоит так, – сказал Мэркс, обращаясь к Гейли и помешивая свой пунш. – Здесь, по всему побережью, очень покладистые судьи, с ними вполне можно сговориться. Том мастер по кулачной части, зато когда надо присягнуть в чем-нибудь, тут уж на сцену выступаю я. Разо-денусь в пух и прах, сапоги начищу и явлюсь в суд. Вы бы посмотрели, как у меня это получа-ется! – воскликнул он, сияя от гордости. – Сегодня я мистер Твикем из Нового Орлеана, завтра плантатор, только что приехавший с Жемчужной реки, где у меня до семисот негров, а то еще назовусь дальним родственником Генри Клея или какого-нибудь другого почтенного джентль-мена из Кентукки. Таланты бывают разные. Например, когда нужно пустить в ход кулаки, лучше Тома этого никто не сделает, но приврать он не умеет – не выходит это у него. А вот если понадобится присягнуть в чем угодно и кому угодно и скорчить при этом постную физионо-мию, то на это я дока, лучшего во всей стране не найдете! Я в любую щёлку пролезу, даже если бы судьи у нас были строже. Иной раз просто обидно становится, что нет у них настоящей строгости, – слишком уж легко все дается, никакого удовольствия не получаешь.

Том Локкер, который, как мы уже отметили, не отличался быстротой соображения, вдруг перебил разглагольствования Мэркса, с такой силой ударив своим тяжелым кулаком по столу, что зазвенела вся посуда.

– Согласен! – крикнул он.

– Господь с тобой, Том, зачем же стаканы бить! – сказал Мэркс. – Прибереги свой кулак до поры до времени, он тебе еще понадобится.

– Позвольте, джентльмены, а как будет со мной? Я получу свою долю прибыли? – спросил Гейли.

– А то, что мы поймаем мальчишку, этого мало? – сказал Локкер. – Чего тебе еще нужно?

– Да ведь я как-никак предлагаю вам выгодное дело, это чего-нибудь да стоит... Ну, скажем, десять процентов, за вычетом расходов.

– Что? – рявкнул Локкер и выругался, опять стукнув по столу кулачищем. – Будто я тебя не знаю, Дэн Гейли! Хочешь меня надуть? Нет, в самом деле, даром, что ли, мы с Мэрксом ловим беглых негров в угоду таким вот белоручкам! Как же, держи карман! Женщина будет наша, а если ты начнешь скандалить, то мы и мальчишку себе заберем. Кто нам помешает? Ты нас навел на след? Навел. Значит, теперь шансы равные. Если вы с Шелби вздумаете пуститься за нами в погоню, воля ваша – ищите ветра в поле, а найдете – наше вам почтение!

– Ну хорошо, хорошо, пусть будет по-твоему, – заторопился струхнувший Гейли. – Вер-ните мне только мальчишку. Ты, Том, меня никогда не обманывал, я твоему слову верю.

– Еще бы не верить! – сказал Том. – Я не такой, как ты, слезу пускать не умею, но что касается деловых расчетов, так тут я самого дьявола не стану обманывать. Как сказал, так и сделаю, и ты прекрасно это знаешь, Дэн Гейли.

– Правильно, Том, правильно, я то же самое говорю. Ты только пообещай, что через неделю мальчишка будет у меня, и сам назначь место, куда за ним приехать. Больше мне ничего не нужно.

– Зато мне нужно, – сказал Том. – Я ведь недаром вел с тобой дела в Натчезе. Это мне наука была: если поймал угря, держи его крепко. Так вот, раскошеливайся, изволь выложить пятьдесят долларов, иначе не видать тебе твоего мальчишки. Я знаю, как с тобой уговари-ваться.

– Вот это уж напрасно, Том, – сказал Гейли. – Ведь у тебя чистой прибыли будет тысяча долларов, а то и тысяча шестьсот.

– Ты почему знаешь? Может, у нас своих дел на целый месяц хватило бы! А теперь мы все бросим и начнем всюду шарить, искать твоего мальчишку и в конце концов не найдем.

Ты сам знаешь, легко ли женщину поймать. А если не поймает, тогда что? Заплатишь ты нам хоть сколько-нибудь? Как бы не так! Нет-нет, выкладывай пятьдесят долларов! Если наше дело выгорит и себя оправдает, получишь их обратно. Если нет, это пойдет нам за труды. Правильно я рассудил, Мэркс?

– Конечно, правильно, – примирительным тоном сказал его компаньон. – Пятьдесят долларов будет в виде залога. Хи-хи-хи! Мы законники – ничего с нами не поделаешь. Зачем ссориться? Давайте по-хорошему. Мистер Гейли, скажите, куда вам доставить мальчишку, и Том так и сделает. Верно, Том?

– Если я его найду, приезжай за ним в Цинциннати. Он будет на пристани, у старухи Белчер, – сказал Локкер.

Мэркс вынул из кармана засаленный бумажник, достал оттуда листок и, уставившись в него своими острыми черными глазками, начал читать вполголоса:

– «Барнс, округ Шелби, негр Джим... триста долларов, доставить живым или мертвым... Эдвардс... Дик и Люси – муж и жена, за поимку шестьсот долларов. Негритянка Полли с двумя детьми – шестьсот долларов... Столько же за одну ее голову». Я смотрю, какие у нас есть дела, сможем ли мы взяться за ваше... Локкер, – сказал он после паузы, – этими давно пора заняться. Поручим их Адамсу и Спрингеру.

– Сдерут втридорога, – ответил Том.

– Я сам с ними поговорю. Они в этом деле новички, и запрашивать им не годится. – Мэркс снова взялся за свой список. – Все три поимки легкие... пристрелить на месте или показать под присягой, что они пристрелены, больше ничего не требуется. За такую безделицу можно посчитать подешевле. А с другими время терпит. – И он сложил бумагу. – Теперь перейдем ближе к делу. Итак, мистер Гейли, вы видели, как эта женщина перебежала через реку?

– Как вас сейчас вижу.

– И человека, который помог ей взобраться на берег? – спросил Локкер.

– Тоже видел.

– Ее, по всей вероятности, где-нибудь спрятали, – сказал Мэркс. – Но где? Вот вопрос. Ну, Том, слово за тобой.

– Чего тут раздумывать? Надо сегодня же переправиться на тот берег, – ответил Том.

– Да ведь лодки-то нет, – возразил Мэркс. – Ледоход начался, Том. Опасно!

– Я знать ничего не желаю! Хочешь не хочешь, а переправиться надо, – отрезал Локкер.

– Ах ты боже мой! – засуетился Мэркс. – Как же быть... – Он подошел к окну. – Темно, ни зги не видно... Том...

– Короче говоря: ты струсил, Мэркс? Тебе, видно, хочется посидеть здесь денек-другой, пока эту женщину не переправят по подпольной дороге до Сандаски?

– Ничуть я не струсил, – сказал Мэркс, – только...

– Только что?

– Как быть с переправой? Ведь лодок сейчас не найдешь...

– Здешняя хозяйка говорила, что вечером лодка будет, – какому-то человеку понадобилось на ту сторону. Нам во что бы то ни стало надо к нему пристроиться, – сказал Том.

– Собаки у вас хорошие? – спросил Гейли.

– Собаки-то замечательные, – ответил Мэркс, – да какой от них толк? Ведь у вас ее вещей не осталось, на след навести нечем?

– Кое-что есть, – торжествующе заявил Гейли. – Она второпях забыла свою шаль на кровати. Шаль и капор.

– Нам везет! – сказал Локкер. – Давай их сюда.

– Только как бы ее собаки не изувечили, – спохватился Гейли.

– Гм, действительно! – сказал Мэркс. – В Мобайле наши собачки чуть не загрызли одного негра. Едва успели их оттащить.

– Это не годится. Ведь такой товар за красоту и ценится.

– Правильно, – согласился Мэркс. – Да и то сказать, в Северных штатах с собаками вообще делать нечего. С ними хорошо работать здесь, на плантациях, где беглому негру никто не помогает.

– Ну-с, так, – сказал Локкер, вернувшись от стойки после разговора с хозяином гостиницы, – лодка будет, этот человек пришел. Значит, Мэркс...

Сей храбрый муж бросил унылый взгляд на уютную комнату, которую приходилось покидать, но все же покорно встал с места. Гейли перекинулся с Локкером несколькими словами относительно дальнейшего, с явной неохотой вручил ему пятьдесят долларов, и почтенная троика разошлась.

Наши благовоспитанные читатели, пожалуй, будут недовольны, что мы вводим их в такую компанию, но это предрассудок, с которым не мешает поскорее расстаться, ибо охота за беглыми неграми занимает теперь место среди самых почтенных профессий в Америке и почитается гражданской доблестью. Если же все огромное пространство между Миссисипи и Тихим океаном превратится в рынок, где торгуют человеческими телами и душами, а живой товар сохранит свою тягу к передвижению, – работоторговцы и охотники за беглыми рабами, того и гляди, приобщатся к нашей аристократии.

Пока в гостинице разыгрывалась эта сцена, Энди и Сэм, оба в блаженном состоянии духа, возвращались домой.

Сэм ликовал, выражая свой восторг дикими воплями, гиканьем и резкими телодвижениями и жестами. Он то перевертывался в седле задом наперед, лицом к хвосту лошади, то, отчаянно гикнув, садился как следует и начинал строго отчитывать Энди за непрерывный хохот и дурачества, а потом, ухватившись за бока, принимался хохотать сам, да так громко, что гул шел по лесу. Все эти проделки не мешали им скакать во весь опор, и в одиннадцатом часу вечера на усыпанной гравием дорожке, ведущей к веранде, слышалось цоканье подков. Миссис Шелби подбежала к перилам:

– Это ты, Сэм? А где остальные?

– Мистер Гейли остался отдохнуть в гостинице. Он ужасно устал, миссис.

– А Элиза, Сэм?

– Она на том берегу Иордана, в земле Ханаанской, если дозволено так выразиться.

– Что ты говоришь, Сэм! – прерывающимся голосом воскликнула миссис Шелби, чувствуя, как у нее подкашиваются ноги от ужаса, ибо она истолковала слова Сэма по-своему.

– Да, да, миссис Шелби, Господь защищает своих рабов. Лиззи перебралась через реку в Огайо, да так быстро, словно сам Господь перевез ее туда на огненной колеснице, запряженной двумя конями.

В присутствии хозяйки благочестие Сэма не знало границ, и он особенно охотно черпал свои сравнения и образы из Библии.

– Сэм, пойдی сюда, – сказал мистер Шелби, выходя на веранду. – Расскажи все толком. Успокойтесь, Эмили! – Он обнял жену за талию. – Вы вся дрожите. Ну зачем эта излишняя чувствительность?

– Излишняя чувствительность? Разве я не женщина, не мать? Разве мы оба не отвечаем перед Богом за несчастную Элизу? Господи, прости нам этот грех!

– Какой грех, Эмили? Мы поступили так, как нам повелевал долг.

– А меня терзает чувство вины, – сказала миссис Шелби, – и никакими доводами рассудка не победить этого.

– Энди! Поворачивайся живей, черномазый! – крикнул Сэм. – Отведи лошадей на конюшню. Слышишь, хозяин меня зовет? – И через минуту он появился в дверях гостиной, держа в руках свою панаму из пальмовых листьев.

– Ну, Сэм, докладывай все по порядку, – сказал мистер Шелби. – Где Элиза?

– Я, хозяин, сам, своими глазами видел, как она перебежала по льдинам в Огайо. И так ловко, мы просто диву дались. Чудо, да и только! А какой-то человек помог ей взобраться на берег, это я тоже видел, а больше ничего нельзя было разглядеть, потому что туман.

– Это что-то невероятное, Сэм! Можно ли перебежать реку по льдинам?

– Можно ли? Да без божьей помощи этого нипочем не сделать! Ведь как все было? Мы трое – мистер Гейли, я и Энди – подъехали к маленькой гостинице на самом берегу. Я ехал немного впереди – сил моих не было, так мне хотелось поймать Лиззи! Ну вот, поравнялся я с гостиницей и вдруг вижу – она у окна стоит, на всем виду, а мистер Гейли и Энди нагоняют меня, уж совсем близко. Тут, как назло, шляпа у меня слетела, я как закричу – мертвого можно разбудить таким криком. Ну, конечно, Лиззи услышала и метнулась от окна, а мистер Гейли тут как тут, у самой двери. Она выбежала на улицу – и прямо к берегу. Мистер Гейли увидел ее и ну кричать. Тогда мы все втроем – мистер Гейли, я и Энди – кинулись в погоню за Лиззи. А она уж у самой реки. Течение у берега быстрое, разводье широкое, а за ним сплошные льдины, будто большой остров, и крутятся, одна на другую лезут. Мы Лиззи почти догнали, я уж думал – схватит он ее, и вдруг она как взвизгнет да как перемахнет через разводье на льдину и дальше припустилась! Прыг-прыг, сама вскрикивает, лед под ней скрипит, потрескивает, а она, точно коза, скачет. Господи ты боже мой! Я сроду не видал, чтобы женщина на такое была способна!

Миссис Шелби сидела бледная от волнения и молча слушала Сэма.

– Слава создателю! Элиза жива! – воскликнула она. – Но что с ней будет дальше?

– Господь не оставит ее, – сказал Сэм, благочестиво закатывая глаза. – Это провидение Господне. Миссис всегда нас учила, что все мы – орудие в руках Господа. Если б не я, мистер Гейли успел бы десять раз поймать Лиззи. А кто упустил утром лошадей и гонялся за ними до самого обеда? Кто уговорил мистера Гейли дать пять миль крюку? Не будь меня, он бы живо ее сцапал, как собака енота. Это все провидение Господне.

– Как бы тебе не пожалеть об этом, друг мой любезный! Я не потерплю, чтобы мои люди так обращались с джентльменами! – сказал мистер Шелби, напустив на себя строгий вид.

Но негра так же трудно обмануть напускной суровостью, как и ребенка. Его не проведешь. Негр великолепно чувствует притворство. И Сэма ничуть не огорчил этот выговор, хотя он сразу же состроил покаянную мину и слушал хозяина, скорбно поджав губы.

– Верно, все верно. Я нехорошо поступил, каюсь. Ясное дело, нельзя потакать такому бесчинству. Я сам это понимаю. Но несчастного негра иной раз просто подмывает на нехорошие дела, особенно когда он видит, как такие вот люди, вроде мистера Гейли, начинают куражиться. Да и какой он джентльмен! Мы настоящих джентльменов с малолетства привыкли видеть, нас не обманешь!

– Хорошо, Сэм, – сказала миссис Шелби. – Поскольку ты признаешь свою вину, разрешаю тебе сходить к тетушке Хлое и попросить у нее холодной ветчины, оставшейся от обеда. Вы с Энди, наверно, проголодались.

– Никогда не забуду вашей доброты, миссис, – сказал Сэм, наспех отвесил ей поклон и удалился.

Как мы уже намекали раньше, Сэм обладал одним прирожденным даром, который сослужил бы ему хорошую службу, если б он подвизался у нас на политическом поприще, а именно – даром извлекать для себя пользу из любых жизненных обстоятельств и обращать их на возвеличение и прославление собственной персоны. Так было и на сей раз: ублажив хозяев своим благочестием и покорностью, он лихо нахлобучил панаму набекрень и проследовал во владения тетушки Хлои с намерением всласть покрасоваться на кухне.

«Пусть послушают меня эти негры, – говорил он самому себе. – Такого им порасскажу, что у них глаза на лоб полезут!»

Следует отметить, что больше всего на свете Сэм любил сопровождать своего хозяина на всякие политические сборища. Пристроившись где-нибудь на изгороди или забравшись на дерево, он упивался речами ораторов, а потом, окружив себя толпой чернокожих собратьев, тоже приехавших сюда вместе с хозяевами, удивлял и восхищал их шутовским пересказом всего слышанного, умудряясь сохранить при этом полную серьезность и даже торжественность. Нередко бывало так, что к чернокожим слушателям Сэма присоединялись и белые, и их смех и подмигиванье доставляли огромное удовольствие нашему краснобаю. Сэм считал ораторское искусство своим призванием и никогда не упускал случая блеснуть им.

Между Сэмом и тетушкой Хлоей с давних пор существовала вражда или, если угодно, некоторый холодок в отношениях. Но поскольку Сэм считал необходимым подкрепиться, перед тем как выступать с речами, он решил на сей раз проявить миролюбие. Ему было хорошо известно, что приказание миссис Шелби будет исполнено в точности, но почему бы не расположить к себе исполнительницу хозяйской воли? От этого можно только выиграть. Он предстал перед тетушкой Хлоей исполненный необычайно трогательного смирения и покорности судьбе, наставшей на него неисчислимы муки за помощь ближнему, и, подробно объяснив ей, зачем хозяйка прислала его сюда, тем самым признал владычество тетушки Хлои на вверенной ее попечениям кухне.

Эта уловка подействовала. Ни один простодушный, исполненный добродетелей гражданин не поддавался так легко на заигрывания хитрого политикана, пустившегося во все тяжкие во время предвыборной кампании, как поддалась тетушка Хлоя на лесть Сэма. Будь он блудным сыном, его и то не окружили бы такой поистине материнской заботой, таким радушием. Не прошло и нескольких минут, как перед гордым, счастливым Сэмом появилась большая оловянная миска, полная всяческих лакомств, скопившихся на кухне за последние три дня. Сочные ломти ветчины, золотистые куски маисовых лепешек, горбушки пирогов, куриные крылышки, потроха, ножки – все это представляло собой весьма живописную смесь, и Сэм, в сдвинутой набекрень панаме, с царственным видом восседал за столом, не забывая своими милостями примостившегося справа от него Энди.

Кухня была полна друзей-приятелей Сэма, которые сбежались сюда со всей усадьбы послушать, чем кончился этот полный событий день. Пробыл долгожданный час – слава наконец-то осенила Сэма! Он рассказывал о своих подвигах, всячески приукрашивая их для пущего эффекта, подобно тем нашим салонным ораторам, которые не упускают случая навести блеск на любое повествование, исходящее из их уст. Рассказ сопровождался оглушительным хохотом; его подхватывала и мелюзга, набившаяся во все углы кухни и даже лежавшая на полу. Но сам рассказчик хранил полную невозмутимость посреди всего этого шума и гама и только изредка закатывал глаза да уморительно подмигивал слушателям, не сбиваясь с возвышенного и поучительного тона своих рассказов.

– Итак, сограждане, – провозгласил под конец Сэм, размахивая ножкой индейки, – теперь вы сами убедились, как приходится хитрить человеку, который решил стать на защиту всех вас – да, всех вас, ибо тот, кто посягнет на одного из нас, посягает на весь наш народ. Здесь важен принцип. И любому работаровцу, который будет тут рыскать и зариться на наших людей, придется иметь дело со мной. Я стану на его пути. Придите ко мне, братья мои! Сэм постоит за вас, Сэм будет защищать ваши права до последнего вздоха...

– погоди, Сэм, да ведь ты еще сегодня утром собирался помочь мистеру Гейли изловить Лиззи, а теперь сам себе перечишь! – перебил его Энди.

– Послушай моего совета, Энди, – высокомерно проговорил Сэм, – не берись судить о том, что тебе не по разуму. Вы, молодежь, народ неплохой, но где вам разбираться в принципах!

Энди виновато умолк, сраженный непонятным словом «принципы», которое произвело не менее сильное впечатление и на его сверстников, находившихся в кухне. А Сэм продолжал:

– Во мне заговорила совесть, Энди. Когда я решил изловить Лиззи, мне думалось, что хозяин этого хочет. А у хозяйки, оказывается, на уме было совсем другое. Вот тут-то совесть во мне и заговорила, потому что держать сторону хозяйки всегда выгоднее. А человек я верный, совесть у меня есть, и от своих принципов я никогда не отступаю. – С этими словами Сэм восторженно взмахнул куриной шейкой. – Какой толк в принципах, если их не придерживаться твердо! Получай, Энди, косточку, я ее не дочиста обглодал.

Слушатели Сэма, разинув рот, внимали каждому его слову, и ему не оставалось ничего другого, как продолжать.

– А что касается твердости духа, друзья мои, это вопрос сложный, в нем мало кто разбирается, – заговорил он с таким глубокомысленным видом, какого требуют рассуждения на самые отвлеченные темы. – Тут дело обстоит вот как: допустим, человек сегодня хочет одного, а завтра совсем другого. Про такого человека говорят – и говорят правильно, что твердости в нем ни на грош. Ну-ка, Энди, подай мне олады. . . Теперь вникнем в это дело поглубже. Надеюсь, джентльмены и прекрасный пол простят мне такое нехитрое сравнение. . . Допустим, я решил взобраться на стог сена. Подставил к нему лестницу – ничего не выходит. Тогда я с той стороны больше и не стараюсь влезать, а подставляю лестницу с другой. Скажете, мало во мне твердости духа? Уж я своего добьюсь и на стог влзу. Поняли?

– Только на это у тебя и хватает твердости духа, – пробормотала тетушка Хлоя, для которой веселье, царившее на кухне, было «что уксус на рану», как говорится в Библии.

– Да, да! – заключил Сэм и поднялся из-за стола, полный до краев и едой и славой. – Да, сограждане мои и представительницы прекрасного пола! У меня есть принципы, и я горжусь этим. В наши времена без них шагу не сделаешь, да не только в наши, а и во все прочие. Я за свои принципы горой стою. Пусть меня сожгут заживо, четвертуют, ничего не боюсь! Так и скажу: «Всю кровь пролью каплю по капле за свои принципы, за свою страну и вообще на благо общества!»

– Ладно, ладно, – сказала тетушка Хлоя, – не мешало бы тебе еще один принцип иметь: ложиться спать вовремя и не держать здесь людей до утра! Ну, малыши, марш отсюда, не то каждый получит по затрещине.

– Негры! – провозгласил Сэм, милостиво взмахнув панамой. – Примите мое благословение. Расходитесь по домам да не грешите.

И, удостоенное этим напутствием, собрание покинуло кухню.

Глава IX, из которой следует, что сенатор – всего лишь человек

Сидя у камина, веселый огонь которого играл в уютной гостиной на ковре и поблескивал на чашках и сверкающем чайнике, сенатор Берд снимал сапоги, готовясь сунуть ноги в красивые новые туфли, вышитые ему женой, пока он был на сессии сената. Миссис Берд, – олицетворение безмятежного счастья, следила, как прислуга накрывает на стол, и то и дело обращалась с назиданиями к детворе, предающейся тем проказам и шалостям, от которых нет покоя матерям с самого сотворения мира.

– Том, оставь дверную ручку!.. Мери, Мери! Не тяни кошку за хвост – ей больно! Джим, нельзя лазить на стол! Друг мой, как хорошо, что ты дома! Мы тебя совсем не ждали сегодня! – воскликнула она, улучив наконец-то минутку, чтобы поговорить с мужем.

– Да, да! Я решил – дай-ка съезжу домой хоть на одну ночь, отдохну как следует. Устал ужасно, и голова болит.

Миссис Берд покосилась на стоявший в шкафу пузырек с камфарным маслом, явно собираясь прибегнуть к его помощи, но муж остановил ее:

– Нет, Мери, не пичкай меня лекарствами. Чашка горячего ароматного чая, немножко домашнего уюта – вот все, что мне нужно. Да, нелегкая жизнь у законодателей!

И сенатор улыбнулся, так как ему было приятно думать, что он приносит себя в жертву родине.

– А что у вас там делается, в сенате? – спросила его жена, когда чаепитие кончилось.

Маленькая миссис Берд обычно не утруждала себя заботами о сенатских делах, мудро решив, что у нее достаточно своих собственных. Поэтому мистер Берд удивленно поднял брови и сказал:

– Да ничего особенного.

– А правда, что сенат принял закон, запрещающий давать кров и пищу несчастным беглым неграм? Я давно об этом слышу, но мне все как-то не верится – неужели такой закон можно утвердить?

– Что с тобой, Мери? Ты вдруг стала интересоваться политикой!

– Вздор! Мне никакого дела нет до вашей политики, но это, по-моему, неслыханная жестокость, противоречащая христианской морали! Я надеюсь, друг мой, что вы его не пропустите.

– Сенат действительно принял закон, запрещающий оказывать содействие невольникам, которые бегут из Кентукки. За последнее время аболиционисты так осмелели, что в Кентукки начинают серьезно беспокоиться, и мы, как добрые христиане, должны что-то предпринять у себя в штате, чтобы положить конец всем этим волнениям.

– Так неужели же нам нельзя будет приютить этих горемык хотя бы на одну ночь, покормить их, дать им что-нибудь из старой одежды и отправить дальше?

– Нельзя, моя дорогая. В этом и заключается «помощь и содействие беглым неграм».

Миссис Берд была женщина скромная, застенчивая, с голубыми глазами, нежным, как персик, цветом лица и певучим, мягким голосом. Но отвагой она не блистала. Индюк средних размеров мог обратить ее в бегство своим кулдыканьем, а дворовой собаке достаточно было оскалить зубы, чтобы одержать над ней полную победу. Муж и дети составляли для миссис Берд весь мир, – мир, которым она управляла больше уговорами и лаской, чем приказаниями. Только одно могло вывести ее из себя – жестокость. Всякое проявление жестокости вызывало в ней приступы гнева, казалось бы несовместимые с ее на редкость кротким характером. Не было матери более снисходительной и доброй, и все же сыновья благоговейно хранили в памяти тот

день, когда она расправилась с ними без всякой пощады за то, что они в компании с соседними озорными мальчишками забросали камнями беззащитного котенка.

«Ох, я тогда и напугался! – рассказывал потом маленький Билл. – Решил, что мама сошла с ума – так она на нас накинута. Я опомниться не успел, а меня уже выпороли и уложили спать без ужина. Лежу я и слышу: мама плачет за дверью, и от этого мне стало еще тяжелее. Знаете, – заключил он свой рассказ, – мы больше никогда не мучили котят».

Услышав ответ мужа, миссис Берд вспыхнула, что очень шло к ней, поднялась с места и сказала весьма решительным тоном:

– Джон, признайся мне откровенно: ты, как христианин, тоже считаешь этот закон справедливым?

– А если я скажу «да», Мери, ты меня не убьешь?

– Ну, этого я от тебя не ожидала! Неужели ты голосовал за него?

– Голосовал, мой очаровательный политик!

– И тебе не стыдно? Какой возмутительный, позорный закон! Я первая нарушу его, дайте только срок. До чего же мы дожили, если женщина не может накормить и обогреть несчастного, бездомного, изголодавшегося человека только потому, что он раб и всю свою жизнь знал одни лишь гонения!

– Мери, выслушай меня. Я понимаю твои чувства, дорогая, и еще больше люблю тебя за такую отзывчивость. Но прислушайся к голосу рассудка. Пойми, что сантименты здесь неуместны. Речь идет об очень серьезных вопросах. Ради спокойствия общества мы должны поступиться соображениями личного порядка.

– Подожди, Джон! Я не сильна в политике, но Библию читаю, а там сказано: алчущего накорми, нагого одень, несчастного утешь. И я буду поступать так, как мне велит Библия.

– Но если ты причинишь этим вред обществу...

– Тот, кто повинуется Господу, никогда не причинит вреда обществу. Выполнение Его воли – самый верный путь для нас.

– Слушай, Мери, сейчас я тебе докажу...

– Все это вздор, Джон! Можешь поучать меня хоть до утра, все равно я с тобой не соглашусь. Скажи мне вот что: ты способен прогнать от своих дверей голодного, иззябшего человека только потому, что он беглый невольник? Ну, скажи, способен?

Если говорить всю правду, так придется признать, что, к несчастью, наш сенатор был от природы человек очень добрый и отзывчивый и отказывать людям, нуждающимся в помощи, было совсем не в его привычках. Сейчас положение нашего сенатора осложнялось еще тем, что жена прекрасно знала это и, следовательно, вела атаку на незащищенные позиции. Таким образом, ему не оставалось ничего другого, как прибегнуть к испытанным средствам, которые существуют для того, чтобы оттянуть время. Он сказал «гм!», несколько раз кашлянул, вынул из кармана платок и стал протирать очки. Миссис Берд, убедившись в безвыходном положении противника, без зазрения совести воспользовалась своим преимуществом.

– Хотела бы я посмотреть, как ты это сделаешь, Джон, очень хотела бы! Например, как ты прогонишь женщину, которая постучится к тебе зимой, в стужу и выюгу. А может быть, ты удержишь ее и отправишь в тюрьму? Это на тебя так похоже!

– Слов нет, долг тягостный... – с расстановкой начал мистер Берд.

– Долг? Джон, зачем ты так говоришь! Наш долг совсем не в этом. Пусть хозяева обращаются со своими неграми получше, тогда они никуда не убегут. Если бы у меня – не дай боже! – были рабы, я бы за них не беспокоилась: кому хорошо живется, тот не станет думать о побеге, уверяю тебя. А если негр все-таки убежит, так он, несчастный, натерпит такого страха, так будет голодать и холодать, что незачем еще натравливать на него всех и каждого. Нет, я вашему закону не подчинюсь!

– Мери, Мери, дорогая моя! Выслушай меня, надо рассуждать здраво!

– Ты знаешь, Джон, как я не люблю пускаться в рассуждения, да еще по такому поводу. Вы, политики, вечно мудрите, когда речь заходит о самых простых вещах, а на деле не верите в свои мудрствования. Точно я не вижу тебя насквозь! Ты сам чувствуешь, что сенат принял несправедливый закон, и не будешь ему подчиняться.

В эту критическую минуту их черный слуга, старый Каджо, приоткрыл дверь в гостиную и попросил миссис пройти на кухню. Наш сенатор, почувствовав некоторое облегчение, проводил жену взглядом, в котором сочетались досада и лукавый смешок, сел в кресло и взялся за газету.

Но вскоре за дверью послышался взволнованный голос миссис Берд:

– Джон, Джон! Выйди сюда на минутку!

Отложив газету в сторону, сенатор прошел на кухню и остановился на пороге, изумленный зрелищем, открывшимся его глазам.

Хрупкая молодая женщина в изорванном, обледенелом платье лежала в глубоком обмороке на двух составленных рядом стульях. Она была без туфель, от чулок остались одни лохмотья, из свежих ран на ступнях сочилась кровь. Черты ее лица явно говорили о принадлежности к гонимой расе, но кто мог остаться равнодушным к их скорбной, трогательной красоте! Холодная, мертвенная неподвижность этого лица заставила сенатора вздрогнуть. Он стоял молча, затаив дыхание. Его жена и единственная их черная служанка, тетушка Дина, хлопотали над несчастной женщиной, стараясь привести ее в чувство, а старик Каджо держал на коленях маленького мальчика и, сняв с него башмаки и чулки, растирал ему озябшие ноги.

– Сердце разрывается, на нее глядя! – сказала тетушка Дина. – Видно, как попала в тепло, так сразу и сомлела. А ведь когда вошла на кухню, будто ничего была, говорит: «Нельзя ли у вас погреться?» Я только собиралась спросить, откуда они с малышом пришли, а она вдруг возьми да и упали замертво. Руки нежные, сразу видно – черной работы не знали.

– Бедняжка! – с состраданием сказала миссис Берд, вдруг поймав на себе пустой взгляд больших темных глаз.

И тут же выражение ужаса исказило мертвенно-бледное лицо женщины. Она приподнялась на своем ложе и крикнула:

– Гарри! Где он... Его поймали?

Услышав голос матери, мальчик соскочил с колен Каджо и потянулся к ней.

– Он здесь! Он здесь! – воскликнула женщина. – Спасите нас! Спасите! – В этих словах, обращенных к миссис Берд, звучало беспредельное отчаяние. – Его отнимут у меня!

– Не бойся, тебя здесь никто не тронет, – твердо сказала миссис Берд. – Тебе ничто не грозит.

– Да благословит вас бог! – прошептала женщина, закрыла лицо руками и зарыдала.

А мальчик, видя, что мать плачет, взобрался к ней на колени.

Наконец участие и ласка, на которые мало кто был так способен, как миссис Берд, успокоили несчастную. Она легла на широкую скамью у очага, где ей наскоро постлали постель, и вскоре забылась тяжелым сном, обняв усталого, крепко спящего ребенка, ибо, как ни уговаривали ее положить мальчика отдельно, она отказалась от этого наотрез и даже во сне прижимала его к груди.

Супруги вернулись в гостиную и почему-то не захотели возобновлять прерванный разговор. Миссис Берд взялась за свое вязанье, а мистер Берд развернул газету и сделал вид, что углубился в чтение.

– Любопытно, кто она такая? – сказал он наконец, опустив газету.

– Вот проснется, отойдет немножко, тогда все узнаем, – ответила миссис Берд.

– Послушай, жена... – снова начал мистер Берд.

– Да, милый?

– Может, ей будет впору какое-нибудь твое платье, если его отпустить, расставить немного? Она, кажется, выше тебя?

По губам миссис Берд скользнула улыбка, и она ответила:

– Там будет видно.

Снова наступило молчание, и мистер Берд снова нарушил его:

– Послушай, жена...

– Ну, что еще?

– Тот теплый плащ, которым ты меня укрываешь, когда я ложусь вздремнуть после обеда... отдай его, он ей тоже пригодится.

В эту минуту Дина заглянула в гостиную и сказала, что женщина проснулась и хочет поговорить с хозяйкой.

Мистер и миссис Берд пошли на кухню вместе с двумя старшими мальчиками – малышкой к этому времени уже уложили спать.

Женщина сидела на скамье у очага, устремив тоскливый, неподвижный взгляд на огонь. От ее прежнего лихорадочного волнения не осталось и следа.

– Ты хотела меня видеть? – мягко спросила миссис Берд. – Надеюсь, тебе лучше теперь? Бедняжка!

Ответом послужил долгий, прерывистый вздох. Женщина подняла на миссис Берд темные глаза, и в этом взгляде было столько печали и мольбы, что жена сенатора прослезилась.

– Не бойся, мы твои друзья. Расскажи мне, откуда ты пришла и что тебе надо.

– Я прибежала из Кентукки.

– Когда? – Мистер Берд решил сам приступить к расспросам.

– Сегодня.

– Как же ты сюда попала?

– Перешла по льду.

– По льду! – хором воскликнули все.

– Да, по льду, – медленно повторила женщина. – Господь помог мне, потому что другого выхода у меня не было... За мной гнались.

– Господи боже! Миссис! – вскрикнул Каджо. – Ведь лед тронулся, вода так и бурлит!

– Я знала это! – сверкнув глазами, испуганно заговорила женщина. – И все-таки побежала. Я ни на что не надеялась, не думала, что доберусь до берега, но мне было все равно – либо бежать, либо умереть. И Господь помог мне. Ах, если бы люди знали, как Он может помочь в беде!

– Ты невольница? – спросил ее мистер Берд.

– Да, сэр. Мой хозяин в Кентукки.

– Он плохо обращался с тобой?

– Нет, сэр, он очень хороший человек.

– Значит, во всем виновата хозяйка?

– Нет, нет, сэр! Кроме добра, я от нее ничего не видала.

– Так что же заставило тебя убежать из такого дома и подвергнуть свою жизнь опасности?

Женщина пристально посмотрела на миссис Берд, и от ее острого взгляда не ускользнуло, что та в глубоком трауре.

– Сударыня, скажите, – начала она вдруг, – вы понимаете, что значит потерять ребенка?

Такого вопроса никто не ждал, и он задел незажившую рану, ибо всего лишь месяц назад супруги Берд похоронили крошку сына.

Мистер Берд круто повернулся и отошел к окну, миссис Берд залилась слезами, но потом, совладав с собой, сказала:

– Почему ты об этом спрашиваешь? Да, у нас умер мальчик.

– Тогда вы поймете меня. Я потеряла двоих, одного за другим... их могилы остались там, в Кентукки, и это мой единственный сын. Я не отпускаю его от себя ни на шаг. Он моя гордость, моя утеха. И его хотели отнять у меня... Продать на Юг! Вы только подумайте, сударыня! Продать ребенка, который никогда не отлучался от матери! Разве с этим можно примириться? Разве можно пережить такое горе? Я убежала ночью, как только узнала, что все бумаги уже подписаны и мой сын продан. За мной снарядили погоню. Они были совсем близко – тот, кто купил Гарри, и двое работников моего хозяина. Я прыгнула с берега на лед, и как мне удалось перебежать на эту сторону – не знаю... Помню только, какой-то человек протянул мне руку, помог взобраться на берег.

Рассказывая все это, женщина не плакала. Слезы у нее давно иссякли. Зато те, кто слушал этот рассказ, откликались на него всем сердцем, каждый по-своему.

Оба мальчика сначала принялись шарить по карманам в поисках носовых платков, которых, как всем известно, никогда там не оказывается, потом уткнулись матери в колени и разревелись, утирая глаза и нос ее платьем. Миссис Берд закрыла лицо платком, тетушка Дина, не вытирая слез, катившихся по ее черным щекам, громко, точно на молитвенном собрании, причитала: «Господи! Смилуйся над нами!», а старик Каджо усиленно прижимал обшлага к глазам, строил невероятные гримасы и время от времени с жаром подхватывал причитания тетушки Дины. Наш сенатор, будучи человеком государственным, не мог плакать открыто, подобно простым смертным, и поэтому ему пришлось повернуться ко всем спиной, устремить взгляд в окно, откашливаться, протирать очки и громко сморкаться, что показалось бы весьма подозрительным внимательному наблюдателю, если бы таковой оказался в комнате.

– Как же ты говорила, что у тебя добрый хозяин? – вдруг воскликнул он, проглотив слезы, подступившие к горлу.

– И всегда буду так говорить! Они оба добрые, но посудите сами: у хозяина были большие долги, и он каким-то образом оказался во власти одного человека и должен был во всем ему подчиниться. Я слышала, как они говорили об этом с хозяйкой и как она заступалась за меня, но хозяин сказал ей, что бумаги уже подписаны и теперь ничего нельзя поделать. И тогда я взяла сына и убежала из дому. Я все равно не смогу жить без него, это мое единственное сокровище.

– А разве у тебя нет мужа?

– Есть, но у него другой хозяин – злой, жестокий. Он не пускал мужа ко мне и день ото дня мучил его все больше и больше, грозил продать на Юг. С ним-то я, верно, уж никогда не увижусь.

Поверхностный наблюдатель мог бы подумать, что женщина относится с полным безразличием к разлуке с мужем, – так спокойно она обо всем этом рассказывала. Но глубокая тревога, таившаяся в ее больших темных глазах, свидетельствовала о другом.

– Куда же ты теперь пойдешь, бедняжка? – спросила миссис Берд.

– В Канаду... Только я не знаю, где она. Это очень далеко отсюда? – И женщина доверчиво взглянула на миссис Берд.

– Несчастливая! – вырвалось у той.

– Наверно, очень далеко?

– Гораздо дальше, чем ты себе представляешь, – сказала миссис Берд. – Но мы постараемся помочь тебе. Дина, постели ей у себя в комнате, к утру мы что-нибудь придумаем. А ты не тревожься, милочка, спи спокойно и ложись на Господа Бога. Он защитит тебя.

Миссис Берд и ее муж вернулись в гостиную. Она села в качалку и стала медленно покачиваться, задумчиво глядя в камин. Мистер Берд шагал по комнате и бормотал себе под нос:

– Гм! Гм! Вот положение!

Наконец он остановился перед женой и сказал:

– Вот что, друг мой, ей придется уйти отсюда сегодня же ночью. Этот работороговец явится к нам завтра утром, по свежим следам. Будь она одна – полбеда, переждала бы как-нибудь,

пока он не уедет, но ведь ребенка и силой не удержишь: высунет голову в окно или в дверь – и конец. В каком я окажусь положении, если их найдут здесь? Нет! Ее надо отправить отсюда сегодня же ночью.

– Ночью! Да как же так? Куда?

– Я знаю куда, – сказал сенатор, в раздумье берясь за сапоги.

Натянув один до половины, он обнял обеими руками колено и погрузился в глубокие размышления.

– Да, что и говорить, дело не из приятных! – И он снова потянул сапог за ушки, надел его, потом, взявшись за второй, стал сосредоточенно изучать узор на ковре. – А помочь надо, пропади они все пропадом! – Второй сапог был быстро надет, и сенатор подошел к окну.

Миссис Берд была женщина деликатная – женщина, которая никогда бы не позволила себе кольнуть кого-нибудь и сказать с упреком: «Ага! Что я вам говорила!» И сейчас, хотя для нее не было тайной, какой оборот приняли мысли мужа, она благоразумно молчала, сидя в качалке, и ждала, когда ее повелитель соблаговолит поделиться с ней своими соображениями.

– Видишь ли, в чем дело, – заговорил наконец мистер Берд, – один мой старый клиент, Ван-Тромп, отпустил всех своих рабов на волю, уехал из Кентукки и купил себе усадьбу милях в семи отсюда, вверх по реке. Она стоит в лесу, и туда без нужды никто не заглядывает, да и найти ее не так-то легко. Там эта женщина будет в полной безопасности. Но вся беда в том, что ночью ее туда никто не довезет, кроме меня.

– Почему? А Каджо? Ведь он прекрасный кучер.

– Да, верно, но реку придется дважды переезжать вброд, и второй переезд очень опасен. А я сотни раз проезжал там верхом и хорошо знаю это место. Словом, решено. Пусть Каджо часам к двенадцати подаст лошадей – только осторожно, без лишнего шума, – и я отвезу ее сам. Потом он доставит меня до ближайшей гостиницы, где можно захватить трехчасовой дилижанс на Колумбус, и все будет шито-крыто, точно я прямо из дому туда и приехал. А утром меня увидят на заседании... Но как же я буду себя чувствовать там после всего этого! А, ладно, делать нечего!

– Ты прислушался к голосу сердца, Джон, – сказала миссис Берд, кладя свою крохотную белую ручку на руку мужа. – Ведь я знаю тебя лучше, чем ты сам себя знаешь.

На глазах у маленькой женщины блеснули слезинки, и она была так хороша в эту минуту, что сенатор подумал: «Какой же я, должно быть, умный человек, если мною восторгается такое очаровательное существо!» Что же ему теперь оставалось делать? Пойти и распорядиться насчет экипажа. Впрочем, дойдя до двери, он остановился, снова подошел к жене и заговорил нерешительно:

– Не знаю, как ты к этому отнесешься, Мери, но у нас в комодке лежит столько вещей нашего... нашего маленького Генри. – И, сказав это, мистер Берд быстро повернулся и затворил за собой дверь.

Его жена вошла в комнату рядом со спальней, зажгла свечу на комодке, достала из шка-тулки ключ, вставила его в замочную скважину верхнего ящика и задумалась. Оба мальчика, которые, как водится, следовали за матерью по пятам, молча усталились на нее.

Мать, читающая эту книгу! Скажи, разве в твоём доме нет такой шкатулки или такого ящика, коснуться которых для тебя равносильно тому, что снова разрыть маленькую могилку? Если нет, то какая же ты счастливая!

Миссис Берд медленно выдвинула ящик комода. Там лежали курточки всевозможных фасонов, передники, стопки чулок и даже пара протертых на носках башмачков, завернутых в бумагу. Рядом с башмачками – игрушечная лошадка, тележка, волчок и мячик – все памятные вещи, столько раз политые материнскими слезами. Миссис Берд опустила на стул и, закрыв лицо ладонями, горько заплакала. Слезы текли у нее меж пальцев и капали в открытый ящик.

Наплакавшись всласть, она подняла голову и начала торопливо отбирать из комода самые простенькие, самые крепкие вещи и связывать их в узел.

– Мама, – проговорил старший сын, осторожно трогая ее за руку, – ты и эти вещи хочешь отдать?

– Дорогие мои мальчики, – ответила она мягким, проникновенным голосом. – Наш любимый маленький Генри, наверно, смотрит на нас с небес и радуется, что мы так делаем. До сих пор я не могла заставить себя отдать его вещи просто так, кому-нибудь, но теперь их получит мать, еще более обездоленная, чем я, и да пошлет ей Господь свое благословение вместе с ними!

Есть в нашем мире прекрасные души, чьи горести оборачиваются благом для других людей; из чьих земных надежд, погребенных в могиле и политых жгучими слезами, как из семян вырастают цветы, целительные для разбитых сердец. Такова была и эта кроткая женщина, что сидела сейчас, медленно роняя слезы, и при свете свечи собирала для несчастной беглянки вещи, из которых каждая говорила ей об ее невозвратимой утрате.

Потом миссис Берд открыла гардероб, достала оттуда два-три платья, присела к своему рабочему столику, вооружилась иголкой, ножницами и наперстком и, следуя совету мужа, принялась переделывать эти скромные наряды. Работа затянулась допоздна, и когда старинные часы, стоявшие в углу, пробили полночь, она услышала у дверей негромкий стук колес.

– Мери, – сказал мистер Берд, входя в гостиную с перекинутым через руку плащом, – пойдй разбуди ее. Пора ехать.

Миссис Берд наспех сложила приготовленные вещи в маленький сундучок и, поручив мужу отнести его в коляску, отправилась в комнату тетушки Дины.

Не прошло и нескольких минут, как Элиза с ребенком на руках появилась на крыльце в плаще, капоре и шали – подарках ее благодетельницы. Мистер Берд быстро усадил их обоих в коляску, миссис Берд проводила отъезжающих до самой подножки. Элиза высунулась из окна и протянула руку, такую же прекрасную и нежную, как та, которая была протянута ей. Большие темные глаза молодой матери не отрывались от миссис Берд, губы ее дрогнули, но она не смогла выговорить ни слова и только указала пальцем на небеса, потом откинулась на сиденье, закрыв лицо руками. Дверца захлопнулась, и коляска отъехала от крыльца.

В каком же положении очутился наш сенатор-патриот, который всю последнюю неделю только и знал, что подстегивал законодательную комиссию своего родного штата, чтобы она приняла более суровые меры против беглецов и против их укрывателей и соучастников!

Наш почтенный сенатор ни в чем не уступал своим вашингтонским собратьям, снискавшим себе бессмертную славу красноречием. С каким величественным видом сидел он, засунув руки в карманы, и возмущался сентиментальным малодушием тех, кто возносит благополучие какой-то горстки жалких беглецов над великими интересами штата!

Он был храбр, как лев, в такого рода спорах и убеждал в собственной правоте и самого себя, и своих слушателей. Но за теми буквами, из которых складывается слово «беглец», для него ничего не стояло, разве только маленькая газетная картинка, где изображался человек с дорожной палкой и узелком за плечами, а ниже – подпись: «Убежал от хозяина». Но силу воздействия истинного горя, которое сказывается в умоляющем человеческом взгляде, в дрожащей худой человеческой руке, в голосе, полном отчаяния и муки, – этого ему не пришлось испытать на себе. Он даже никогда не задумывался над тем, что «беглецом» может быть и несчастная мать, и беззащитный ребенок, как, например, тот, которому отдали шапочку покойного Генри – такую знакомую маленькую шапочку! И поскольку сердце у нашего бедного сенатора было не каменное и не стальное, его патриотизм, как станет ясно каждому, подвергался серьезным испытаниям. Впрочем, не злорадствуйте по этому поводу, наши братья из Южных штатов, ибо нам кажется, что многие из вас поступили бы так же при соответствующих обстоятельствах. Мы знаем, в Кентукки и в Миссисипи есть благородные, великодушные люди, такие,

к кому никто не обращался понапрасну с рассказами о своих страданиях. И разве это справедливо, наши добрые братья, что вы ждете от нас деяний, которые вам не позволило бы совершить ваше смелое, честное сердце, будь вы на нашем месте?

Как бы то ни было, но если даже наш почтенный сенатор совершил политический грех, злключения этой ночи предоставили ему полную возможность искупить его.

Последнее время в тех местах шли дожди, а мягкой, рыхлой почве Огайо нужно не так уж много влаги, чтобы превратиться в непролазную грязь; дорога же, по которой ехал сенатор, была так называемой «Железной дорогой» добрых старых времен.

«Позвольте! Что же это такое?» – спросят те путешественники, в мыслях которых железная дорога сочетается с удобством и быстротой передвижения.

Так знайте же, наши простодушные друзья из Восточных штатов, что в благословенных уголках Запада дороги мостят нестругаными бревнами, уложенными в ряд, одно к другому, и заваленными сверху землей, дерном – всем, что попадется под руку. Счастливые обитатели тамошних мест, считая такие дороги проезжими, немедленно пускаются по ним в путь. С течением времени дожди размывают землю и дерн, бревна ложатся вкривь и вкось, а колеи и рытвины заполняются жидкой черной грязью.

По такой-то дороге путешествует сейчас и наш сенатор, предаваясь на досуге размышлениям на этические темы, насколько это возможно при данных обстоятельствах, ибо коляска его то и дело подскакивает на ухабах, утопает в грязи, а ему самому и женщине с ребенком приходится кое-как приспосабливаться к тряске и принимать самые неожиданные позы, когда их швыряет из стороны в сторону. Вот, кажется, окончательно застряли! Каджо понукает лошадей, несколько тщетных рывков, сенатор теряет последнее терпение... и вдруг коляска становится на все четыре колеса. Потом передние ныряют в новую рытвину, седоки валятся вперед, шляпа бесцеремонно лезет сенатору на уши, на нос, и ему кажется, что его загасили, точно свечу колпачком. Ребенок плачет. Каджо обращается к лошадям с вдохновенными речами, а они бьют задом, налегают на постромки и кидаются то вправо, то влево под непрерывное шелканье кнута. Еще один толчок – теперь увязают задние колеса. Сенатора, женщину и ребенка швыряет на заднее сиденье. Он задевает локтем ее капор, она попадает обеими ногами в его шляпу, которая почему-то очутилась на полу. Но вот трясину проехали, и лошади останавливаются, тяжело нося боками. Сенатор отыскивает свой головной убор, женщина поправляет съехавший на затылок капор, успокаивает ребенка, и они мужественно готовятся к новым испытаниям.

Проходит еще несколько минут; коляска по-прежнему ныряет по рытвинам и время от времени то заваливается набок, то вздрагивает вся до основания. Наконец седоки начинают поздравлять себя с тем, что дела их не так уж плохи. И вдруг еще один сильный рывок... они поднимаются во весь рост и с необычайной быстротой снова опускаются на сиденье; коляска останавливается, снаружи происходит какая-то возня, и Каджо распахивает дверцу.

– Вот беда-то, сэр! Увязли! Просто и не знаю, как мы отсюда выберемся. Придется жерди подкладывать.

Повергнутый в отчаяние, сенатор выходит из экипажа, осторожно нащупывая, куда бы ступить. Одна нога у него немедленно уходит в бездонные глубины, он пытается вытащить ее, теряет равновесие, падает в грязь и, поднявшись с помощью Каджо, являет собой весьма плачевное зрелище.

Но довольно об этом – надо же пожалеть наших читателей! Люди, путешествовавшие по Западным штатам, посочувствуют нашему незадачливому герою, ибо им тоже приходилось проводить ночные часы за интересным занятием, которое состоит в том, чтобы выдергивать колья из изгородей и с их помощью выкорчевывать экипажи, утонувшие в грязи. Попросим же их пролить молчаливую слезу и последовать за нами дальше.

Только глубокой ночью забрызганная сверху донизу коляска переезжает вброд реку и останавливается у дверей большой фермы.

Чтобы разбудить ее обитателей, понадобилось немало терпения и настойчивости. Наконец почтенный хозяин отворил им дверь. Это был огромный детина, шести с лишним футов роста, настоящий Орсон, одетый в красную фланелевую рубашку. Взлохмаченная копна светлых волос и многодневная щетина, мягко выражаясь, не очень-то располагали в его пользу. Несколько минут он стоял со свечой в руке и, хмуро насупившись, таращил глаза на наших путешественников. Сенатор долго втолковывал ему, что от него требуется, и, воспользовавшись такой задержкой, мы представим читателю этого человека.

Джон Ван-Тромп был когда-то одним из крупных плантаторов и рабовладельцев в штате Кентукки. Природа наделила этого медведя – медведя лишь по виду – не только гигантским ростом и силой, но и добрым сердцем, и система рабовладения, одинаково позорная как для угнетаемых, так и для угнетателей, никогда не была ему по душе. Наконец наступил день, когда сердце Джона сбросило с себя тягостные оковы. Он вынул из стола бумажник, съездил в Огайо, купил участок хорошей, плодородной земли, дал вольную всем своим рабам – мужчинам, женщинам и детям, – усадил их со всем скарбом в повозки и отправил устраиваться на новом месте, а сам подыскал себе ферму в глуши, вверх по реке, и с чистой совестью поселился там в полном уединении.

– Вы не откажетесь приютить несчастную женщину с ребенком, которая спасается от погони? – без всяких обиняков спросил его сенатор.

– Не откажусь, – твердо ответил честный Джон.

– Так я и думал, – сказал сенатор.

– Пусть только сюда кто-нибудь сунется, мы им окажем достойный прием. Я готов. – Добряк расправил свои могучие плечи. – Кроме того, у меня семеро сыновей, каждый шести футов роста, и они тоже маху не дадут. Передайте этим смельчакам наше почтение и скажите им, что мы согласны принять их в любую минуту. – И, запустив пальцы в свою густую шевелюру, Джон разразился хохотом.

Измученная, еле живая от усталости Элиза вошла в кухню, держа на руках забывшегося тяжелым сном ребенка. Великан осветил свечкой ее лицо, сочувственно хмыкнул и распахнул дверь в маленькую спальню рядом с кухней. Пройдя туда следом за Элизой, он зажег еще одну свечу, поставил на стол и только тогда заговорил:

– Вот что я скажу, милая: бояться тебе нечего, пусть за тобой кто угодно приходит – меня врасплох не застанут! – И он показал на ружья, висевшие над камином. – Не поздоровится тому, кто вздумает здесь самочинствовать, это всем в округе известно. Так что спи спокойно, будто тебя мать в колыбели качает.

– Писаная красавица! – сказал он, оставшись наедине с сенатором. – И чаще всего бывает так, что чем красивее женщина, тем больше у нее причин спастись бегством, если только она порядочная. Я это знаю!

Сенатор в двух словах поведал ему историю Элизы.

– Эх! Ну что ты скажешь! Вот горе-то! – разжалобился добряк. – Охотятся за бедняжкой, как за ланью! А ведь от хорошей матери ничего другого и требовать нельзя. Ей-богу, как услышу о таком безобразии, так еле себя сдерживаю, чтобы не наговорить чего-нибудь непотребного. – И Джон вытер глаза громадной, покрытой веснушками ручищей. – Поверите ли, уважаемый, я годами не ходил в церковь, не мог слушать, как там вещают, будто Библия оправдывает рабство. Человек я неученый, ни еврейского, ни греческого не знаю. Где мне спорить со священниками! А потом нашел все же такого священника, который и тем в учености не уступал и проповедовал совсем другое. Вот с тех пор я и пришел в лоно церкви.

Говоря все это, Джон откупоривал бутылку шипучего сидра и теперь поставил ее на стол.

– Оставайтесь у меня до утра, – предложил он радушно. – Я сейчас подниму свою старуху, она вам живо приготовит постель.

– Благодарю вас, друг мой, – сказал сенатор. – Я хочу попасть на дилижанс, мне надо в Колумбус.

– Ну что ж, если так, я вас немножко провожу, покажу вам другую дорогу. Та, по которой вы ехали, уж очень плохая.

Джон оделся и с фонарем в руке зашагал впереди коляски сенатора, выводя ее на дорогу, проходившую за фермой. Прощаясь с добрым Джоном, сенатор сунул ему бумажку в десять долларов.

– Это ей, – сказал он.

– Ладно, – так же коротко ответил Джон.

Они обменялись рукопожатием и расстались.

Глава X. Товар отправлен

Серое, морозящее дождем февральское утро заглянуло в хижину дяди Тома и осветило лица, омраченные гнетущей скорбью. На маленьком столике перед очагом была разостлана подстилка для глажения, на спинке стула висели две грубые, но чистые рубашки только что из-под утюга, третья лежала перед тетушкой Хлоей. Она старательно разглаживала каждую складку, каждый рубец, то и дело утирая слезы, ручьем катившиеся у нее по щекам.

Том сидел у стола, подперев голову рукой, перед ним лежала раскрытая Библия. Муж и жена хранили молчание. Час был ранний, и ребятишки спали, прижавшись друг к другу на низенькой деревянной кровати.

Том, который, как истый сын своего несчастного народа, всем сердцем был привязан к семье, встал из-за стола, подошел к кровати и долго смотрел на детей.

– Последний раз, – сказал он.

Тетушка Хлоя, не говоря ни слова, продолжала водить утюгом по выглаженной на славу рубашке, потом вдруг отставила его в сторону, упала на стул и заплакала навзрыд.

– Покориться воле божией! Да как тут быть покорной? Хоть бы мне знать, куда тебя увезут, в какие руки ты попадешь! Миссис говорит: года через два выкупим. Господи милостивый, да разве оттуда возвращаются! Там людей замучивают насмерть! Слышала я, что с ними делают на этих плантациях!

– Господь вездесущ, Хлоя, он не оставит меня и там.

– Он вездесущ, но иной раз по его воле творятся страшные дела, – сказала тетушка Хлоя. – И этим ты хочешь меня утешить!

– Я в руках божиих, – продолжал Том. – Хуже, чем он повелит, не будет. Возблагодарим его хотя бы за то, что продали меня, а не тебя с детьми. Здесь вас никто не обидит. Я один приму на себя все муки, а Господь поможет мне претерпеть их.

Сколько силы и мужества в человеческом сердце, которое смиряет свою боль, чтобы облегчить страдания близких! Том говорил с трудом, голос у него срывался, и все же эти слова были полны твердой решимости.

– Вспомним лучше о милостях господних, – через силу добавил он, ибо поистине думать об этом сейчас ему было трудно.

– Милости господни! Что-то не вижу я от Господа особых милостей! Нет, это несправедливо! Почему хозяин продал тебя? – не унималась тетушка Хлоя. – Ведь ты сторицей окупил его долги. Он который год обещает тебе вольную и до сих пор не дал. Может, сейчас ему нелегко, но я чувствую, что так нельзя с тобой поступать. И не пробуй разуверять меня в этом. Кто преданней ему, чем ты, кто пекся о его делах больше, чем о своих собственных, забывал ради него и жену и малых детей! Подумать только! Ты сердцем к нему привязан, а он тебя продает, чтобы выпутаться из долгов! Бог его за это накажет!

– Хлоя, если ты любишь меня, не говори так! Может, мы с тобой последний раз вместе. И хозяина не надо задевать ни одним дурным словом, Хлоя. Ведь я принял его от старой миссис с рук на руки, когда он был еще младенцем. И ничего нет удивительного, что я думаю о нем денно и ночью, а ему... где ему думать о бедном Томе! Господа привыкли, чтобы о них заботились. А ты сравни нашего хозяина с другими: у кого мне бы жилось так хорошо, где бы со мной так обращались? Если б мистер Шелби заранее знал, как у него дела обернутся, он не довел бы до продажи. В это я твердо верю.

– Нет, тут что-то не так, – упрямо твердила тетушка Хлоя, руководствуясь присущим ей чувством справедливости. – Не знаю, кого в этом винить, но тут что-то не так.

– Обрати мысли свои к Господу, Хлоя. Помимо его воли ни один волос не упадет с нашей головы.

– Что верно, то верно, только не нахожу я в этом утешения, – вздохнула она. – Впрочем, что проку говорить! Сейчас пирог будет готов, позавтракаешь... Кто знает, когда тебе еще придется вкусно поесть.

Если вы хотите понять, как тяжело приходилось неграм, которых продавали на Юг, вспомните, что этот народ способен на сильные чувства. Негр – человек не очень смелый, не очень предприимчивый по натуре – привязывается к родным местам, он любит свой дом, свою семью. Добавьте к этому все ужасы, которые таятся для него в неизвестности; не забудьте также, что он с детских лет трепещет при одной только мысли: «Тебя продадут на Юг!» В его глазах это самое страшное наказание – страшнее порки, страшнее каких угодно пыток. Нам самим приходилось слышать, как они толкуют об этом между собой и с непритворным ужасом рассказывают друг другу страшные истории о гиблых местах «где-то там, вниз по реке», которые кажутся им чем-то вроде «той страны, откуда ни один не возвращался».

Миссионер, живший среди беглых негров в Канаде, говорил нам, что многие из них оставили сравнительно добрых хозяев и не побоялись совершить побег, сопряженный со столькими опасностями, лишь бы не оказаться проданными на Юг. Страшась этой участи, которая вечно грозит и ему, и его жене, и его детям, негр, существо кроткое, робкое, нерешительное, обретает мужество, терпит голод, стужу и смело идет навстречу страданиям и жестокой каре, неминуемой при поимке.

Клубы пара поднимались над столом – скромный завтрак был подан. Миссис Шелби освободила тетюшку Хлою от работы на господской кухне, и бедняжка собрала последние силы, чтобы приготовить этот прощальный пир: зарезала лучшую курицу, испекла мужу его любимый пирог и расставила над очагом несколько кувшинов с разными соленьями и маринадами, которые извлекались на свет божий только в самых торжественных случаях.

– Смотри, Пит! – возликовал Моз. – Какой у нас сегодня завтрак! – и схватил кусок курятины с блюда.

Тетюшка Хлоя залепила ему звонкую пощечину.

– Ну что это такое! Несчастный отец последний раз дома завтракает, а они только и думают что о еде!

– Хлоя! – мягко упрекнул ее Том.

– Сил моих больше нет! – крикнула она, пряча лицо в передник. – Голова идет кругом, сама не знаю, что делаю!..

Мальчики стояли как вкопанные и молча поглядывали то на отца, то на мать, а малютка уцепилась за ее юбку и подняла крик, властно требуя чего-то.

– Ну, вот и все! – Тетюшка Хлоя вытерла глаза и подхватила девочку на руки. – Больше не буду. Садитесь к столу. Лучшую курицу сегодня зажарила. Ешьте, ребята. Бедненькие! Досталось им от матери!

Повторять это приглашение дважды не понадобилось. Мальчуганы принялись уписывать за обе щеки стоявшие перед ними яства, что оказалось весьма кстати, так как без их помощи завтрак, пожалуй, остался бы почти нетронутым.

– Теперь надо собрать твои вещи, – сказала тетюшка Хлоя, быстро убирая со стола. – Он, наверно, все потребует. У таких извергов руки загибающие, знаю я их. Вот в этот угол кладу фланель, на случай если ревматизм тебя будет мучить. Смотри береги ее: потеряешь, другой тебе никто не даст. Вот здесь старые рубашки, сверху – две новые. Носки я ночью надвязала, внутрь кладу моток шерсти для штопки. Господи! Да кто же тебе штопать будет! – И тетюшка Хлоя, не в силах превозмочь свое горе, уронила голову на сундучок и залилась слезами. – Подумать только, здоров ли он, болен – некому будет о нем позаботиться! А от меня покорности требуют!

Мальчики, управившись со всем, что было подано к завтраку, теперь призадумались над происходящим. Увидев, что мать плачет, а отец сидит понурившись, они захныкали и начали

тереть глаза кулаками. Дядя Том посадил дочку на колени и предоставил ей полную свободу развлекаться. Малютка царапала ему лицо, дергала его за волосы и весело хохотала, предаваясь восторгу, причины которого были известны только ей.

– Радуйся, бедняжка, радуйся! – сказала тетушка Хлоя – Придет и твой час. Продадут когда-нибудь и твоего мужа, а может, и тебя. Сыновья наши вырастут – и того же дождутся. Зачем же нам, неграм, обзаводиться семьей, когда с нами так поступают?

Но тут один из мальчиков перебил ее, крикнув:

– Хозяйка идет!

– Нечего ей тут делать! Все равно она ничем не поможет, – сказала тетушка Хлоя.

Миссис Шелби вошла в хижину. Тетушка Хлоя нахмурила брови и молча подала ей стул. Миссис Шелби ничего не заметила – ни стула, ни того, как его подали. Лицо у нее было бледное, взволнованное.

– Том, – сказала она, – я пришла... – И вдруг осеклась, обвела глазами стоявшую перед ней безмолвную семью, упала на стул и, закрыв лицо платком, зарыдала.

– Миссис, господь с вами! Да что это вы! – Тетушка Хлоя не выдержала, расплакалась сама, а за ней и все остальные.

И эти слезы, лившиеся из глаз невольников и их госпожи, растопили боль и гнев угнетенных. Так пусть же знают те, кто призывает вдовых и сирых, что богатые дары, которые подают отворачиваясь, подают холодной рукой, не стоят и единой слезы, пролитой от всего сердца.

– Друг мой, – заговорила наконец миссис Шелби, – я ничего не могу тебе дать – деньги у тебя все равно отберут. Но, клянусь богом! я не потеряю тебя из виду и выкуплю при первой же возможности, а до тех пор положись на Господа нашего.

В эту минуту мальчики увидели за окном мистера Гейли.

Дверь распахнулась настежь, и работороговец появился на пороге. Он был сильно не в духе после проведенной в седле ночи и неудачных попыток поймать свою жертву.

– Ну, негр, готов? – крикнул Гейли, но, увидев миссис Шелби, снял шляпу и сказал: – Ваш покорный слуга, сударыня.

Тетушка Хлоя опустила крышку сундучка, перевязала его веревкой и, поднявшись на ноги, устремила на работороговца гневный взгляд своих темных глаз, в которых слезы словно превратились в искры.

Том покорно встал навстречу новому хозяину и взвалил на плечо тяжелый сундучок. Жена с дочкой на руках пошла проводить его, мальчики, плача, побрели следом за ней.

Миссис Шелби остановила Гейли и горячо заговорила с ним о чем-то, а тем временем семья уже подошла к стоявшей у дверей тележке. Вокруг нее собралась толпа – все негры, и стар и млад, пришли проститься со своим товарищем. Тома уважали в усадьбе, как старшего и как наставника, и его горю сочувствовали все, а особенно женщины.

– Хлоя, а нам, видно, тяжелее расставаться с ним, чем тебе, – сказала сквозь слезы одна негритянка, глядя на окаменевшее в суровом спокойствии лицо тетушки Хлои.

– Я свои слезы давно выплакала, – ответила Хлоя, бросив угрюмый взгляд на подходившего к тележке работороговца. – Не хочу убиваться на глазах у этого изверга.

– Садись! – крикнул Гейли, пробираясь сквозь толпу негров, которые хмуро поглядывали на него.

Том сел в тележку, и Гейли, вытащив из-под сиденья тяжелые кандалы, надел их ему на ноги.

Приглушенный ропот пронесся в толпе, а миссис Шелби крикнула с веранды:

– Мистер Гейли, это совершенно излишняя предосторожность, уверяю вас!

– Как знать, сударыня. Я здесь уже пострадал на пятьсот долларов. Хватит с меня и этого.

– Чего еще от него ждать! – с негодованием сказала тетушка Хлоя.

А мальчишки, которые только сейчас поняли, какая участь уготована их отцу, уцепились за юбку матери и застонали, заплакали во весь голос.

– Жаль, мистера Джорджа нет дома, так я с ним и не попрощаюсь, – сказал Том.

Джордж отправился в соседнее поместье погостить день-другой у приятеля и, выехав ранним утром, не подозревал о беде, постигшей их верного слугу.

– Передайте от меня поклон мистеру Джорджу, – с чувством сказал Том.

Гейли стегнул лошадь, и Том, до последней минуты не отрывавший печального взгляда от родных мест, скрылся за поворотом дороги.

Мистера Шелби тоже не было дома. Он продал своего лучшего слугу, подчиняясь крайней необходимости, с тем чтобы вырваться из лап человека, внушавшего ему страх, и когда сделка была закончена, прежде всего облегченно вздохнул. Но упреки жены пробудили в нем дремавшую совесть, а мужество и бескорыстная преданность Тома только усилили его недовольство самим собой. Как ни старался он убедить себя, что имел право продать невольника, что так поступает каждый хозяин, сплошь и рядом даже без особой на то нужды, все было тщетно, неприятное чувство оставалось, и, не желая присутствовать при тяжелой заключительной сцене этой драмы, он уехал по делам в надежде, что к его возвращению все будет кончено.

Том и Гейли тряслись по пыльной дороге, минуя одно знакомое место за другим. Наконец усадьба осталась позади, начался поселок. Проехав по нему с милю, Гейли остановился около кузницы, захватил с собой пару наручников и велел кузнецу переделать их.

– Они ему немного малы, – пояснил он, указывая на Тома.

– Господи! Да ведь это негр мистера Шелби – Том. Неужто его продали? – спросил кузнец.

– Продали, – ответил Гейли.

– Быть того не может! Просто глазам своим не верю! – воскликнул кузнец. – Да зачем же ему наручники? Ведь такого честного хорошего негра...

– Вот именно, – перебил его Гейли. – Хороший негр только и глядит, как бы удрать от хозяина. Дураку какому-нибудь, бездельнику или пьянице на все наплевать, им даже нравится ездить с места на место, а дельному негру это нож острый. Такого не мешает заковать. Ноги-то при нем – возьмет да и убежит.

– Н-да, – сказал кузнец, роясь в ящике с инструментами, – для наших кентуккийских негров хуже ничего быть не может, чем южные плантации. Попал туда – и верная смерть.

– Это правда, мрут они там, как мухи. То ли климата не переносят, то ли от какой другой причины, но убыль в них большая, спрос на такой товар никогда не падает, – сказал Гейли.

– А ведь как подумаешь, жалко становится! Зашлют на какую-нибудь сахарную плантацию хорошего, смиренного негра, вроде Тома, и конец ему.

– Ну, Тому жаловаться не на что. Я обещал Шелби получше его пристроить. Продам в услужение в какую-нибудь почтенную семью. Привыкнет к климату, не помрет от лихорадки – и хорошо. Чего же еще негру желать?

– А жена и дети у него дома остались?

– Подумаешь! Других заведет. Мало, что ли, женщин на свете! – сказал Гейли.

Том грустно сидел у кузницы, слушая этот разговор, и вдруг до него донеслось быстрое цоканье подков. Не успел он прийти в себя от неожиданности, как Джордж вскочил в тележку и бросился ему на шею, плача и приговаривая сквозь слезы:

– Это подло, подло! Пусть не оправдываются, все равно подло! Какой позор! Будь я взрослым, тебя не посмели бы продать! Я не допустил бы этого!

– Мистер Джордж! Вот радость-то! – сказал Том. – Думал, уеду и не попрощаюсь с вами... И выразить не могу, как я рад!

Он двинул ногой, и взгляд Джорджа упал на его кандалы.

– Какой позор! – воскликнул мальчик, всплеснув руками. – Я изобью этого негодяя! Я...

– Не надо, мистер Джордж! Этим вы мне не поможете, а он только пуще озлобится. И говорите потише, прошу вас.

– Хорошо, пусть будет по-твоему. Но какая подлость! Почему мне никто ничего не сказал? Почему за мной не послали? Если б не Том Линкен, я так ничего бы и не узнал. Ну и попало же им от меня!

– Напрасно вы так погорячились, мистер Джордж.

– Я не мог молчать. Ведь это же подлость! Слушай, дядя Том, – таинственно зашептал он, поворачиваясь спиной к кузнице, – я подарю тебе мой доллар!

– Что вы, мистер Джордж! Разве я могу принять такой подарок! – сказал Том растроганным голосом.

– Примешь, примешь! Я посоветовался с тетушкой Хлоей, а она велела мне просверлить в нем дырку и продеть в нее шнурок. Ты будешь носить мой доллар на шее так, чтобы этот негодяй ничего не заметил... Нет, как хочешь, Том, а я все-таки поколочу его – мне после этого полегчает!

– А мне будет еще тяжелее, мистер Джордж. Не надо, прошу вас.

– Ну, раз уж ты просишь, так и быть, – сказал Джордж, надевая Тому шнурок на шею. – Вот! Теперь застегни куртку... и смотри не потеряй, а как взглянешь на него, так помни всякий раз, что я тебя разыщу и привезу обратно домой. Мы с тетушкой Хлоей уже все обсудили. Я ей сказал: «Не беспокойся, тетушка Хлоя. Я допеку отца и поставлю на своем».

– Мистер Джордж, зачем вы так говорите!

– Да я ничего плохого не сказал, дядя Том.

– Мистер Джордж, вспомните, как вас любят, и будьте хорошим сыном! Заботьтесь о матери. Не берите примера с дурных мальчиков, которые матерей в грош не ставят. Верьте мне, мистер Джордж, много прекрасного Господь дает нам дважды, но мать у нас одна и другой не будет. Живите хоть до ста лет, мистер Джордж, все равно второй такой женщины, как ваша матушка, вы никогда не найдете. Любите ее, будьте ей утешением и сейчас и когда подрастете. Обещаете мне, мистер Джордж?

– Обещаю, дядя Том, – ответил мальчик.

– И вот еще что, мистер Джордж: молодые люди частенько сквернословят – ничего не подделаешь, возраст такой. А вы все-таки не позволяйте себе этого, следите за собой. Будьте настоящим человеком, не обманите моих надежд, и пусть родители не услышат от вас ни одного дерзкого слова. Вы не обижаетесь, что я так говорю, мистер Джордж?

– Что ты, что ты, дядя Том! Разве ты можешь посоветовать плохое!

– Ведь я старше вас, – ласково продолжал Том, большой, сильной рукой поглаживая мальчика по кудрявой голове. – Я знаю, задатки у вас хорошие. А сколько благ вам дано, мистер Джордж! Вы и читать и писать умеете. Вот вырастаете и станете ученым человеком, и все, кто ни есть у нас на ферме, и ваши родители будут гордиться вами! Берите пример с отца, он добрый хозяин, и с матери – она женщина богобоязненная. И не забывайте творца нашего, мистер Джордж!

– Я постараюсь, Том, верь мне! За меня краснеть никому не придется! – воскликнул мальчик. – А ты не горюй. Я верну тебя домой и отстрою твою хижину заново – мы только сегодня утром говорили об этом с тетушкой Хлоей, – и у тебя будет гостиная, а на полу в гостиной ковер. Дай мне только вырасти! Подожди, дядя Том, доживешь и ты до хороших дней!

В эту минуту Гейли вышел из кузницы с кандалами в руках.

– Слушайте, сударь, – надменно обратился к нему Джордж, – я расскажу родителям, как вы обошлись с дядей Томом!

– Рассказывайте на здоровье! – ответил Гейли.

– И не стыдно вам торговать людьми и заковывать их в цепи, точно скот! Неужели вас совесть не мучает?!

– Покуда вы, благородные господа, будете их покупать, я с вами на равной ноге, – ответил Гейли. – Что покупка, что продажа – одно другого стоит.

– Я не буду ни продавать, ни покупать негров, когда вырасту, – сказал Джордж. – Я раньше гордился тем, что моя родина Кентукки, а теперь мне стыдно и вспомнить об этом! – Он выпрямился в седле и посмотрел по сторонам, словно проверяя, произвели ли его слова должное впечатление на штат Кентукки. – Ну, прощай, дядя Том, и не унывай, крепись!

– Прощайте, мистер Джордж. Да хранит вас Бог! – сказал Том, с любовью и восхищением глядя на него. – В Кентукки такие наперечет, – добавил он, когда смелое мальчишеское лицо скрылось у него из виду.

Джордж ускакал, а Том смотрел ему вслед до тех пор, пока стук копыт не затих вдали. Последнее виденье, последний отзвук родного дома! Но на груди у него – там, где ее коснулись детские пальцы, – осталось тепло. Он поднял руку и прижал драгоценный доллар к сердцу.

– Ну, Том, давай договоримся, – сказал Гейли, бросая наручники в тележку, – будешь со мной по-хорошему, и я с тобой буду по-хорошему. Я своих негров зря не обижаю. Все для них делаю, что могу. Так вот, не вздумай со мной плутовать. Я ваши негритянские плутни назубок знаю. Если негр смирный и не пытается улизнуть, ему у меня хорошо. А нет – пусть сам на себя пеняет.

Том постарался уверить Гейли, что он и не думает о побеге. В сущности, работорговец напрасно расточал красноречие, ибо куда же может убежать человек, у которого ноги закованы в тяжелые железные кандалы? Но мистер Гейли поначалу всегда угощал свой новый товар такими краткими проповедями, в полной уверенности, что это вселяет в негров бодрость и избавляет его самого от лишних неприятностей.

А теперь мы на время расстанемся с Томом и займемся другими героями нашего повествования.

Глава XI, в которой у невольника появляются вольные мысли

Дождливый день уже близился к вечеру, когда к дверям маленькой гостиницы в городке Н., штат Кентукки, подъехал путешественник. В зале глазам его предстало обычное для таких заведений весьма разношерстное общество, переживающее здесь непогоду. Заметнее всего в нем были поджарые, рослые кентуккийцы в охотничьих куртках. По своему обыкновению, они чуть ли не лежали на стульях, а их ружья, патронташи, сумки, собаки и егеря-негрятя заполняли все углы и закоулки. Справа и слева от камина в не менее свободных позах сидели два джентльмена – оба длинноногие, оба в шляпах, оба в забрызганных грязью сапогах, каблуки которых величественно покоились на каминной доске. Мы должны уведомить читателя, что завсегдатаи здешних гостиниц отдают предпочтение именно этой позе, так как она, по-видимому, благоприятствует возвышенному образу мыслей.

Хозяин, стоявший за стойкой, подобно большинству своих земляков, был тоже человек поджарый, рослый, с густой шевелюрой, которую еле-еле прикрывал высоченный цилиндр.

В этой комнате все были в головных уборах, причем эти эмблемы человеческого величия – будь то фетровая или засаленная касторовая шляпа, плетенка из пальмовых листьев или какой-нибудь наимоднейший шапокляк – воплощали в себе самые характерные черты своих обладателей. У одних шляпы лихо сидели набекрень – это были весельчаки, народ бойкий, душа нараспашку; другие нахлобучивали их на нос – с такими шутки плохи, сразу видно, люди серьезные, упрямые, уж когда наденут что-нибудь на голову, так пусть сидит крепко; если шляпа сдвинута на затылок, значит, владелец ее намерен смотреть в оба, чтобы ничего не упустить из поля зрения. Ну а простаки обходились со своими головными уборами как придется, лишь бы держались на макушке. Впрочем, дать достойное описание этого многообразия шляп и их обладателей под силу только Шекспиру.

Негры в широченных штанах и чрезмерно узких рубашках без толку сновали взад и вперед, хотя вид у них был такой, будто они готовы перевернуть все вверх дном в угоду хозяину и постояльцам. Добавьте к этой картине огромный камин, веселое пламя, с ревом рвущееся в трубу, распахнутые окна и дверь, сильный сквозняк, от которого пузырятся ситцевые занавески, и вы получите полное представление о прелести кентуккийских гостиниц.

Современный обитатель штата Кентукки служит прекрасной иллюстрацией к теории наследственности. Предки современного кентуккийца – отважные охотники – жили в лесах, спали под открытым небом и вместо свечей пользовались светом звезд. Поэтому их потомок и по сию пору ведет себя в своем жилье словно на бивуаке: не снимает шляпы дома, сидит, задрав ноги на каминную доску или на спинку соседнего стула, точь-в-точь, как его прадед, который нежился на какой-нибудь зеленой лужайке, положив ноги на пенек или уперевшись ими в ствол дерева; круглый год держит окна и двери раскрытыми настежь, чтобы его могучим легким было чем дышать; добродушно называет всех встречаемых и поперечных «незнакомцами» и вообще славится на весь мир своей непосредственностью, веселостью и простотой обращения.

В таком-то живописном обществе очутился наш путешественник. Это был тщательно одетый, небольшого роста, почтенный старичок с добродушной круглой физиономией и несколько суетливыми манерами. Он сам внес в гостиницу свой чемодан и зонтик, наотрез отказавшись от помощи обступивших его слуг. Войдя в комнату, новоприбывший опасливо огляделся по сторонам, выбрал местечко поближе к огню, задвинул свои пожитки под стул и, опустившись на него, устремил недоверчивый взгляд на джентльмена, который сидел, водрузив ноги на каминную доску, и так энергично поплевывал направо и налево, что это кого угодно могло обеспокоить, а тем более человека щепетильного и несколько слабонервного.

– Как дела, незнакомец? – спросил вышеупомянутый джентльмен и в виде приветствия пустил в сторону нового гостя смачный плевок.

– Благодарю вас, недурно, – ответил тот, еле увернувшись от столь сомнительного знака внимания.

– Что новенького? – продолжал джентльмен, вынимая из кармана плитку жевательного табака и большой охотничий нож.

– Да как будто ничего.

– Употребляете? – И он великодушно протянул собеседнику чуть ли не половину плитки.

– Нет, благодарю вас, мне это вредно, – ответил тот и отодвинул свой стул подальше от камина.

– Неужто вредно? – Джентльмен несколько не смутился отказом и отправил угощение себе в рот, чтобы пополнить иссякающий запас табачной жижи.

Почтенный старичок всякий раз вздрагивал, когда длинноногий сосед плевал в его сторону. Тот наконец заметил это, нимало не обиделся и, изменив точку прицела, подверг бомбардировке каминные щипцы, да с таким искусством, с каким впору было бы вести осаду целого города.

– Что там такое? – спросил почтенный старичок, заметив, что несколько человек столпились около большой афиши, наклеенной на стене.

– Негра разыскивают, – коротко ответили ему.

Мистер Вилсон – назовем его теперь по фамилии – встал, задвинул чемодан с зонтиком дальше под стул, вынул из кармана очки и стал неторопливо прилаживать их на нос. Когда эта операция была закончена, он прочитал следующее:

«Убежал от нижеподписавшегося молодой мулат Джордж. Рост – шесть футов, кожа светлая, волосы каштановые, вьющиеся. Смышлennyй, говорит складно, грамотный. Вероятно, будет выдавать себя за белого. На спине и на плечах – глубокие рубцы. Клеймен в правую руку литерой «Г». За поимку живым – вознаграждение в 400 долларов. Столько же, если будут представлены убедительные доказательства, что он убит».

Почтенный старичок внимательно прочитал это объявление, бормоча вполголоса каждое слово. Долговязый субъект, ведший осаду каминных щипцов, опустил ноги на пол, вытянулся во весь свой огромный рост, подошел к объявлению и всадил в него полный заряд табачной жижи.

– Вот я какого мнения об этом, – кратко пояснил он и вернулся на прежнее место.

– Что это вы, любезнейший? – удивился хозяин.

– Повстречайся я с тем, кто это писал, и его бы угостил тем же самым, – сказал длинноногий, преспокойно отрезая кусок табака от плитки. – Поделом болвану, что от него негры бегают. Имеет отличного невольника, и до чего его довел! Такие объявления – позор для Кентукки. Вот что я обо всем этом думаю, если угодно знать.

– Правильно, правильно! – поддержал его хозяин.

– У меня у самого есть негры, сэр, – продолжал длинноногий, – и я им сколько раз говорил: «Ребята, хотите бежать, бегите хоть сию минуту. Задерживать вас никто не будет». Пусть знают это, тогда у них всякая охота пропадет бегать. Мало того, у меня на всех моих рабов заготовлены вольные на тот случай, если надо мной стрясется какая-нибудь беда, и об этом они тоже знают. И верьте мне, сударь, ни у кого другого негры так не работают, как у меня. Сколько раз я посылал их в Цинциннати с табунами жеребят стоимостью долларов по пятьсот, и они каждый раз возвращались обратно и все деньги мне привозили, до последнего доллара. И в этом нет ничего удивительного. Когда обращаешься с негром, как с собакой, добра от него не жди, а если он видит от тебя человеческое отношение, то и работать будет, как порядочный человек. – И честный скотопромышленник подкрепил свои слова метким плевком, угодившим прямо в камин.

– Вы совершенно правы, друг мой, – сказал мистер Вилсон. – Этот мулат, о котором здесь говорится, действительно личность незаурядная. Он лет шесть работал у меня на фабрике мешков и считался лучшим мастером, сэр. Какие у него способности! Изобрел машину для трепания конопли. Ею пользуются и на других фабриках. Его хозяин взял на нее патент...

– И, верно, наживается на этом патенте, – перебил его скотопромышленник, – а своему расставит клеймо на правую руку! Эх, будь на то моя воля, я бы его самого заклеил, пусть ходит с такой отметиной.

– Эти ваши смыслёные да грамотные негры – народ дерзкий, потому их и клеймят, – вмешался в их разговор грубоватый с виду человек, сидевший в дальнем конце комнаты – Вели бы себя тихо и мирно, ничего бы такого не было.

– Другими словами, Господь создал их людьми, и превратить их в скотину не так-то легко, – сухо сказал длинноногий.

– От толковых негров хозяевам одно беспокойство, – продолжал тот, не замечая презрения, явно сквозившего в словах собеседника. – На что они используют свои способности и таланты? Только на то, чтобы вас же надувать. Были у меня такие умники, да я подумал-подумал и продал их на Юг – все равно в конце концов сбегут.

– Вы бы обратились к Господу Богу с просьбой, чтобы он вам таких негров создал, у которых души вовсе бы не было, – сказал длинноногий.

На этом их разговор прервался, так как к дверям гостиницы подъехал изящный двухместный экипаж, в котором сидел прекрасно одетый джентльмен с кучером-негром.

Как и полагается бездельникам, коротающим в гостинице дождливый день, гости буквально ели глазами новоприбывшего. Они сразу почувствовали в нем что-то необычное. Высокий рост, оливково-смуглая кожа, выразительные карие глаза, тонкий нос с горбинкой, вьющиеся иссиня-черные волосы, прекрасная линия рта, стройная фигура – все это придавало ему сходство с испанцем. Он спокойно вошел в комнату, снял шляпу, отвесил всем общий поклон, кивком головы указал слуге, куда поставить вещи, и, подойдя к стойке, назвал свое имя: Генри Батлер из Оклендса в округе Шелби. Потом повернулся и равнодушно пробежал глазами объявление.

– Джим, – сказал он своему слуге, – помнишь того молодчика в Бернани? Как будто его приметы.

– Верно, хозяин, – ответил Джим. – Вот только не знаю, как насчет клейма.

– Ну, рук его я не разглядывал. – Молодой человек зевнул и, обратившись к хозяину гостиницы, потребовал себе отдельную комнату. – Мне нужно написать несколько писем, – пояснил он.

Хозяин был само подобострастие. Человек семь негров обоего пола, старых и молодых, словно стая куропаток, кинулись вверх по лестнице, толкаясь, падая, наступая друг другу на ноги, в едином порыве услужить новому постояльцу, а он преспокойно сел на стул и вступил в разговор с человеком, который оказался рядом с ним.

С тех пор как незнакомец вошел в общую комнату, фабрикант мистер Вилсон не переставал приглядываться к нему с тревожным любопытством. Ему казалось, что он когда-то встречался с этим человеком, но когда именно и где? Всякий раз, как незнакомец заговаривал, улыбался, менял позу, мистер Вилсон вздрагивал и косился на него, но большие темные глаза незнакомца смотрели так холодно, с таким безразличием, что он немедленно отводил взгляд в сторону. Наконец фабрикант сразу все вспомнил и уставился на новоприбывшего не только с изумлением, но даже с ужасом. Тот встал и подошел к нему.

– Мистер Вилсон, если не ошибаюсь? – сказал он и протянул фабриканту руку. – Прошу прощения, но я вас не узнал сначала. Вы меня, по-видимому, помните... Батлер из Оклендса, округ Шелби.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.